

О.Щетинин

Н.КРАМАРЕНКО

МИР ЗАРНИ

Последний
Первый

О. О. Щетинин
Н. М. Крамаренко
Последний Первый
Серия «Мир Зари», книга 2
Серия «Фантастика.
Приключения. История»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65155807

*Последний Первый:
ISBN 978-5-906858-96-2*

Аннотация

Продолжение книги «Дело 581-14/ОДЧ – Опасно для человечества».

Подходят к концу восьмидесятые годы пятого столетия Космической Эры. Очередной кризис пройден и, похоже, Торговый Союз может вздохнуть спокойно. УЛК «Заря» вернулся на парковочную орбиту, а десантники с «Торнадо» снова получают тумачи от сержантов в тренировочных лагерях.

Но так ли спокойно в бескрайнем космосе? Кто-то решается на неслыханную наглость, атаковав исследовательскую группу с Марса в секторе, подконтрольном Союзу. Событие беспрецедентное: все знают, что Марс быстро и жёстко отвечает на покушение на собственных граждан. Следственной группе

марсиан предстоит искать ответы на очень много вопросов. В том числе – выяснить, какое отношение ко всему происходящему имеет специальный отряд КБМ "Память" и каким образом во всём происходящем замешаны Инге Сонел и Тим Найденов...

Содержание

Пролог	7
Часть 1. Теллур	13
Инге Сонел	13
Тим Найдёнов	28
Инге Сонел	51
Яна Ланге-Орлова	65
Инге Сонел	74
Тим Найдёнов	84
Павел Зотов	104
Инге Сонел	118
Павел Зотов	127
Адмирал Базиль Номбрилли	130
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Н. М. Крамаренко, О. О. Щетинин Последний Первый

© Н. М. Крамаренко, О. О. Щетинин

*Винт. Лопасти. Крутилось колесо,
Чтобы пространство сжать, ускорить время:
Пора войти в музей мадам Тюссо,
Всех оживить и танцевать со всеми.*

*Что было сталью, плавится как воск,
И бомбы механизм, как сердце, бьётся,
И голова сама свергает мозг,
И звёзды восстают со дна колодца...*

*Идеи льются лавой из жерла:
Безумцам – невозможного желать
И покорять космические дали!*

*Решимостью глаза твои горят,
Раз больно, значит, чувствуешь разряд
На мельницы галактик ток подали.*

Анастасия Распопина

*С учётом теории переноса информации,
высказанной заместителем начальника
информационного отдела МУКБОП¹ профессором*

С.И. Павловым, авторы допускают, что некоторые известные названия, аббревиатуры и т. д. впервые были использованы в литературе ряда смежных миров Мультивселенной. Тем не менее, все совпадения с реальными или вымышленными персонажами, организациями и/или событиями абсолютно случайны.

правопорядка. Это название, как и название спецподразделения «снежные барсы», заимствовано из романа С.И. Павлова «Лунная радуга».

Пролог

Mierda del toro!..

Одного взгляда хватило, чтобы понять: всё. Попала. Она никогда не видела эти корабли, но мгновенно узнала по описанию.

Мако щёлкнула клавишей сопряжения и откинулась в кресле, переводя «Медузу» в боевой режим.

Schlampe hure...

Поля... активированы. Маскировка... включена. Открыть торпедные люки... Её пока не видят, но это пока. Как же не повезло: луч торможения ведёт прямо к ним. Ждали? Неужели ждали? Нет, это невозможно, скорее всего, просто в поиске... Может быть, они и Тессу убили? А Мако её предупредила, чтобы не совалась в этот район...

Scheisse!

А ведь всё было так хорошо... Вернее, всё было плохо, всё было просто хуже некуда, но сам план был хорош. У неё получилось бы. Если бы не эти.

Мако снова выругалась на одном из языков, на которых говорил *он*. Она специально учила идиомы и ругательства, ей казалось, что это смешно. И Мако – это было прозвище, а не имя. Он её так называл. Оно было только для них двоих. Акула-мако, хищная рыба с его родной планеты. Красивая, стремительная, смертоносная. Высший хищник. Ей это тоже

наверилось.

Так, отметка радара. Есть, заметили. Сколько их? Четверо? Четыре verga – это перебор, а один такой здоровенный... Мако оскалилась. Это будет славный бой, пусть и последний.

Всё, пора.

Торможение! Корабль взбрыкнул и начал стремительно сбрасывать релятивистскую скорость. Индикатор гравиконтроллера моргнул жёлтым, оранжевым... красным. Кажется, ещё немного, и борта затрещат под огромными, смертельными для любого живого существа перегрузками...

Есть! Так, первым делом убрать самого большого, толстяка: на нём могут быть несомые. Команда на комм, и «Медузу» тряхнуло: две стаи – торпеды под управлением ракет-«вожаков» – пошли одна за другой. Если повезёт, снесёт сразу двоих, если нет, толстяку хватит. Ну всё, началось. Они поняли, что она уже оттормозилась, но прощёлкали клювами запуск ракет. Мако бросила корабль в манёвр, уходя в плоскость толстяка и двух кораблей поменьше. Четвёртый оказался выше. Не страшно, главное, чтобы толстяк решил, что она будет атаковать именно его. Заработали излучатели, вспышками проходясь по защитным полям. Verpiss dich! Мако готова была заплясать, если бы не оставшиеся корабли. А они уже просекли, что одиночный штурмовик – не беззубая жертва и сам может сожрать кого угодно. По полю толстяка побежали искры вспышек малых фотонных ракет, выпущенных «вожаком», а следом он сам вместе со стаей уда-

рил по броне. А вот это неудачно: вторая стая добила ублюдка вместо того, чтобы переключиться на другие цели, а тот уже не представлял опасности. Всё, пора в другую плоскость и выходить на дистанцию эффективного боя.

Du gehst mir auf die Eier!

Третий ублюдок вышел из плоскости и провалился вниз.

«Разгерметизация жилого блока». Маркёры сгорающих предохранителей сливаются в одну пульсирующую вспышку... Дерьмо, чем они гасят дефлекторы?! Такими темпами она сейчас всех полей лишится. Запитать прямо на куб. В любом случае это ненадолго... Торможение, полная тяга! Снова дикие перегрузки, кажется, хрустят кости, но закрученный юлой корабль факелом маршевого двигателя сносит поля сразу двоим. На-а-а, с-сука-а-а!!! «Энергопотребление превышает пороговые значения»... Заткнись! Излучатели задолбили по одному из подвергнувшихся кораблей... готов. А второй, тварь, ещё навертел дыр. Что же это за оружие?! «Вышла из строя система регенерации». «Отказ систем жизнеобеспечения»... Залп, две ракеты и торпеды, все! Они не просто дырявят броню, они повреждают системы, попадут в торпедный отсек – и хана. Надо избавляться от опасного груза, но с пользой... Замигали сигналы тревоги, утечка кислорода даже из кабины, отключилась канонирская консоль. Vite al Inferno, гад! Выпущенные ракеты распылили на атомы третьего, досталось и последнему, но он успел оторваться от основной группы и теперь снова заходил на ата-

ку. «Внимание! Повреждения восемьдесят процентов, энергия двадцать процентов»... Всё. Это конец. Ракет нет, излучатели, считай, сгорели от перегрузки. Таран? А если сойдёт, отойдёт? Ещё немного и даже на манёвр времени не будет. Что тогда? Прыжок? В руки к ним попадать нельзя. Да их вообще тут оставлять нельзя. Но другого шанса нет. Мако протянула руку к кнопке аварийного привода и вроде даже успела её нажать...

Звон в ушах, свист уходящего воздуха, шипение автогерметика, прерывистый вой аварийных систем. Звуки катастрофы. И горячо и мокро левому боку, аптечка выводит данные на экран шлема... Мако уже мертва, эти твари её убили, но мы ещё посмотрим... Пол кабины уходит из-под ног, приходится держаться за переборку, аптечка разоряется паническими рекомендациями... Заткнись. Достала. Ноги подламываются, но пройти надо совсем немного. Главное, не упасть по дороге.

Куда она идёт? Зачем? Ещё минуту... кажется... назад она знала, а теперь надо просто переставлять ноги, дойти из точки А в точку Б и не потерять сознание при этом. И не упасть. Если она упадёт, то уже не поднимется.

Его каюта. Открыть дверь, закинуть туда гранату, чтобы ни следа не осталось. Чтобы, если у неё не получится, ни одна тварь своими грязными лапами... Как хорошо, что она не взяла с собой её... Что-то ещё надо сделать. Ах, да, браслет – в утилизатор, это надёжно, гарантированно даже. А действи-

тельно броню просверлили, как сыр... Какой там сыр был? Не помню. Ничего, мы встретимся, и ты расскажешь. Я уже скоро.

Шлюз. Зачем она здесь? Ах, да, шкаф, контейнер внизу, но... Что-то не так. Она что-то забыла... «Энергии двадцать процентов». Хватит ли на полноценный прыжок? А если нет? Нельзя, чтобы «Медуза» попала к этим. Но её должны найти. Найти, увидеть следы этих проклятых излучателей и всё понять. Расстрелянный корабль – это послание. А она... Она всё равно уже труп.

Мако чуть не потеряла сознание, надевая ракетный ранец. Хорошо, что перед выходом из гипера она влезла в скафандр, как положено. Хотела быть осторожной, чтобы точно вернуться. Не помогло. Жаль.

Она достала из шкафчика контейнер, закрепила, долго подключала к системам – пальцы не слушались. Открыла шлюз.

Vamos, tener cojones, vena qui, tu eres una stupida y menca sabrona! Вот она я, я интереснее, чем разбитый корабль, ну, иди ко мне! Тебе не нужна «Медуза», тебе не туда... В голове всё путается. Давай, давай быстрее, а то я тут схохну раньше... Ура! Система скафа сообщает: «Силовой захват», наконец-то! Яркий, слепящий свет, её втянуло внутрь. Ещё... ещё немного... не смей терять сознание... ага, давление в норме, значит, шлюз закрыт...

Сейчас.

Chupame la verga! Мако улыбнулась и стукнула подбородком по кнопке активации, дублируя команду через нейрошлем скафандра.

Великая Мать, прими меня и сохрани её!

Маленький кристалл перестал запитывать силовое поле, и оно исчезло. Крайние позитроны начали сталкиваться с электронами, разрушая условно нейтральную оболочку контейнера, и все три килограмма антивещества вступили в реакцию. Исчезли умирающая амазонка и трюм с уцелевшими несомыми. Поток жёсткого излучения хлестнул по кораблю, убивая всё живое. Сработали и вышли из строя системы защиты энергоцепей, и спустя мгновение силовые установки взорвались, превращая мощный боевой корабль и всё, что в нём было, в поток элементарных частиц, рассеянных по безграничному космосу. Но за доли секунды до этого полуразрушенная «Медуза» ушла в прыжок по случайным координатам...

Часть 1. Теллур

Инге Сонел

Никогда не понимала, зачем дневники вести. Ну, то есть я слышала, что это вроде как мысли дисциплинирует и всё такое, но как по мне – только зря время терять. А раньше – я читала! – дневники нужно было вообще не надиктовывать, а писать. От руки. Вот за такое я бы в жизни не взялась, как бы ни просили. А меня именно что попросили. Маша – она псионик из МУКБОПа. Как же оно расшифровывается-то... Межпланетное Управление космической безопасности и охраны порядка, во! Как-то так. Это террапланская служба безопасности, и они очень крутые типа.

И вот Маша и её начальник, Сергей Иванович Матвеев, попросили меня вести дневник и раз в три месяца им отсылать. Как они сказали, всякие личные или коммерческие тайны их не интересуют, а как мои способности развиваются, это им очень важно. Так что я, наверное, записывать буду всё, а перед отправкой запись почищу. Потому что никогда ведь не знаешь, что окажется важным, а что – нет.

И ещё мне надо отвыкать «нукать». И говорить «в общем» через каждые два слова. Это неправильно и неграмотно. Буду стараться следить за речью. Вот.

В общем, так. Меня зовут Палома Инге Розальба Марианна Сонел. Уф, ненавижу своё имечко. Но у нас дома такие длинные имена – традиция. Я предпочитаю, чтобы меня называли Инге. Мне так больше нравится. По документам мне двадцать, а на деле там ошибка, в записях о рождении, так что между девятнадцатью и двадцати одним я среднее выбрала, когда документы получала. Я пилот, контрабандист... вернее, раньше была. Сейчас я капитан и владелец торгового малотоннажного корабля «Алада», и мы с Тимом летим с Тира́ны на Теллу́р. Совершенно не представляю, что я там буду делать. Нет, кое- что я точно знаю: Тим обещал, что мы на море поедem. А вот потом... Но Тим сказал, что наши счета его босс два года оплачивать будет, так что срочно искать работу надобности нет.

Тим – это мой парень, мы с ним на Тиране познакомились. Ну как – парень... Он раза в два меня старше, но сколько ему точно лет, он не знает. И тут история покруче, чем ошибка в документах. У Тима амнезия была, его в космосе подобрали. В боевом скафандре. Кстати, Тимов скаф, Том Том – это вообще отдельная история... Он большой – не скафандр, сам Тим, и добрый. А вообще Тим был спецом по безопасности у одного из Боссов на Тиране, и мы вместе влипли в историю с ну очень опасным наркотиком. И сектантом, который из-за этого самого наркотика мутировал и стал совершенно жутким псиоником. В смысле – очень сильным и совсем не человеком. Там много чего ещё было, в общем-то, рассказы-

вать долго, да и смысла никакого, в базах МУКБОПа это всё есть. Главное, что всё хорошо кончилось.

А ещё я мамбо, жрица вуду. Вернее, формально я всё ещё оўнси, ученица, но думаю, эту историю можно считать за полноценный экзамен и посвящение. Так что лоа, наверное, не обидятся, что я называю себя мамбо. Раз уж мои покровители, Эрзу́ли-Ошун, Любовь и Жизнь, и Лёгба, Повелитель врат, дорог и коммуникаций, простили мне даже то, что я теперь немножечко принадлежу ещё и Смерти. Оно само получилось, я даже толком не поняла, как.

Собственно, из-за этого я дневник и начала вести. Не из-за того, что теперь служу двум семьям лоа, конечно. Просто эти, из МУКБОПа, думают, что я не мамбо, а просто очень сильный и нетипичный псионик. «Супер». И меня типа изучить надо. Ну да, в лоа-то они не верят! А то, что как раз лоа нам помогли с этим мутантом справиться, как бы и не в счёт. Нет, а правда, что бы мы без их помощи делали?

В общем, если специалисты из террянской безопасности считают, что я псионик, я их разубеждать не буду. Да у меня и не получится. Главное, они нас в покое оставили, а дневник вести – не так уж сложно, как оказалось. Вот.

Да, Теллур... На словах-то полёт на два прыжка – дело простое. Да и технически вроде ничего сложного: рассчитала курс, прыгнула, оттормозилась, рассчитала новый прыжок, переориентировалась, разогналась, прыгнула – и всё. На хорошем корабле никаких проблем. Ну, если не считать, что

на промежуточном развороте можно налететь на пиратов, и не думать о возможных сбоях в системах. Но и тут... Брать с нас пока нечего, а пираты практически никогда не нападают на корабли просто так: уж больно дорогое это удовольствие – ракеты и торпеды, чтобы без гарантий на успех их тратить. Кораблик у меня только из ремзоны, всё проверено-оттестировано, оборудование отличное, да и Том Том сходу в системы полез. Я ему разрешила: всё-таки ИИ – это вам не мистер Вездесущий чихнул. Так что всё у нас должно быть нормально, отлично даже. А мистер Вездесущий – это кот такой. Краси-и-ивый... Но вредный – жуть.

Но я всё равно так далеко лететь побаивалась поначалу.

Первый прыжок получился на четверо суток, чуть больше, на сто часов примерно. Обычно что я в это время делаю? Что-нибудь отлаживаю-настраиваю, гало смотрю и всё такое. Скучновато, если честно. Но не в этот раз. Сейчас эти сто часов пролетели, я и не заметила.

Для начала, я учила французский: на Теллуре это основной язык. Вернее, я учила, а Тим вспоминал. Вообще с языками особых проблем нет: обучающую программу выбрала, таблеточку съела, нейрошлем надела – и вперёд, но потом всё равно время нужно, чтобы освоиться. Тим на Теллуре уже был, но с нейрообучением всегда одна история: без практики всё забывается быстро. И неважно, что тебе в память вписали, французский или высшую математику. Это не космолингва, которую с детства все как второй язык учат. В об-

щем, Тим решил, что мы только на французском разговаривать будем. Чтобы я осваивалась, а он вспоминал. И я поначалу слова путала всё время. А Том Том комментировал. Мол, и форма коммуникации у мягкотелых примитивная, но при этом излишне усложнённая, и система обучения не та, и вообще... И постоянно называл меня «сударыня». Я сначала вообще не понимала, что это, и думала, что он дразнится, что это обидное что-то. А спрашивать неловко было. Но Том, похоже, сам просёк, что я недовольна, и как-то спросил:

– Капитан, вам не нравится слово сударыня? Могу называть вас «товарищ».

Ну, про это обращение я слышала, но его же вроде только на Марсе используют!

– Называй, как тебе привычнее, – я плечами пожала.

– Мне всё равно. Я нечасто общался с капитанами. А те, с кем общался – марсиане, – называют друг друга товарищ, а некоторых особей женского пола из вежливости и шутливо называют сударыня. Но могу называть по имени или кэп.

И он так серьёзно и обстоятельно это объяснил, что мне даже смешно стало немножко. И захотелось ему приятное сделать.

– Если тебе так привычнее и нравится, пусть будет «сударыня», – говорю, и вдруг понимаю, что он не прикалывается, когда меня капитаном называет. Я ведь и правда по всем документам капитан, и вообще, просто я как-то это с собой не могла соотнести. Вот адмирал тот, Тырновский, это да, это

– *Капитан!* Или Перри со «Стерегающего». А я – что? Так, несерьёзно... Но всё равно приятно.

В общем, после этого разговора я поняла, что злиться на Том Тома бесполезно и вообще не надо, потому что он смешной и милый. И я наконец-то попросила у него разрешения посмотреть, как он устроен. Мне и интересно, и мысль была: вдруг удастся что-нибудь про Тима узнать? Откуда он и всё такое. Из типовой сборки, на самом деле, можно много информации вытащить, если знать, где искать.

Ага. Из типовой. Вот только типового в Том Томе ну ничегошеньки не было. Я когда в его систему полезла, в первый момент подумала, что у меня с головой что-то не то. Потому что ну не бывает такого!

Вообще скафы монтируются из стандартных блоков. Взаимозаменяемых и совместимых, естественно. Это, насколько я знаю, требование Торгового Союза – ну, чтобы, условно говоря, можно было из трёх повреждённых скафандров, скажем с Терры, Харола и ещё откуда-нибудь, собрать один рабочий. Так вот, Том на первый взгляд выглядел именно таким результатом типовой сборки. Но только на первый взгляд.

Для начала, я на нём никаких маркировок не нашла. Вообще. То есть их или идеально зачистили, чтобы ни следа не осталось, или там изначально ничего не было. Значит – что? Экспериментальный образец, нечто уникальное, единичное. Но где его собирали?

Вообще-то в технологиях сборки на каждой планете есть свои фирменные фишечки. Типовое-то оно всё типовое, но особенности увидеть можно. Мелкие, но заметные, если знать, куда смотреть. Марки герметика, способы блокировки крепежа... Так вот, на Том Томе ничего знакомого я не нашла. Правда, возникало какое-то странное ощущение – словно он весь из себя такой высокотехнологичный и всё такое, но при этом собран грубо. Зато с огромным запасом прочности и надёжности. Это просто ощущение, не знаю, как объяснить.

Но это... как это говорят... ещё цветочки были. Самое веселье началось, когда я захотела проверить, не перепрошили ли Том Тому мозги. Да и интересно было: ведь считается вроде как, что полноценный искусственный интеллект создать невозможно, а Том явно не виртуальный ИИ... Кстати, вот это точно надо будет стереть перед тем, как дневник Маше отправлять. А то ещё захотят Тома поизучать, а оно нам надо?

Полезла я в ядро, а там... В общем, хочу очередную плату вытащить, крепёж отстегнула, а она сидит, как влитая. А с другой стороны к ней не подобраться. Не, технический лючок для обслуживания есть, да только он фальшивый. Даже винты – одно целое с корпусом. И физически в ядро не войти. Никак. А самое главное – я ведь очень хорошо представляю, какое «железо» нужно, чтобы на нём ИИ базироваться мог. Даже просто виртуальный или ограниченный. И вопрос

на миллион: *где оно?* Тут поневоле начинаешь верить, когда Том говорит, что он живой. И байки вспоминать, что в Турманности механизмы оживают. Ну да, подобрали их в Солнечной, но где Тим и Том до этого мотались, и откуда они вообще взялись – одни лоа знают!.. И что-то мне как-то стрёмно стало. И даже мысль подключиться через нейрошлем и проверить Тома, как обычную систему, пришла и ушла. Да он и не дал бы, скорее всего.

Ну и естественно, Том Том не был бы собой, если бы не комментировал всё, что я делаю. Сообщил, что не любит медосмотры, что мы, люди, ничего в этом не понимаем, что идея лоботомии из любопытства ему не нравится, и вообще: «Сударыня, а вам часто при медосмотре снимали руки и ноги, чтобы посмотреть, какого цвета у вас нервы?». Но видно было, что внимание ему приятно. И он так, между делом, обмолвился, что у меня руки куда более ловкие, нежные и аккуратные, чем у Командира – ну, то есть у Тима.

– Но у тебя же это обратимо? – это я сказала, когда уже обратно его собирала.

– Можно же просто спросить. Неужели вы, сударыня, не знаете, что сначала надо провести беседу?

– А мы беседу ведём параллельно! Так удобнее. А что ты умеешь, Том? И что помнишь?

– Умею я всё, что надо боевому скафандру. Я могу защищать Командира, могу нейтрализовать цели. И в меня не заложены законы робототехники, поскольку я не робот. Ну и

так, по мелочи. Отвечая на ваш второй вопрос, сударыня, скажу так: я помню своё первое включение. Хотя я вполне допускаю, что оно могло быть и не первым. Но у меня нет на этот счёт информации. В отличие от вас, мягкотелых, я не могу что-то забыть и потом вспомнить. Я или владею информацией, или нет. Я допускаю, что моя память была обновлена.

– А когда и где тебя первый раз включили?

– Тогда же и там же, где Командир пришёл в себя. На Мемориале Марса.

– Это такое место за Юпитером, – влез Тим. Он всю дорогу сидел, смотрел, как я в Том Томе копаюсь, и ржал периодически, а тут решил к разговору присоединиться.

– И как это было?

– Как? Очухиваюсь, он включается, и первым делом вижу сигнал о том, что воздуха на два часа. И что нас засёк корабль Марса. Они как раз Мемориал проверяли, вот нас и заметили.

– То есть ты в Пространстве был? Без корабля? – что-то уж больно весело он рассказывает. Явно врёт, но и правду ведь не скажет! Хотя я его уже не в первый раз спрашиваю.

– Ага.

– И что было до этого – никто из вас не помнит...

– Угу.

– И что? – Вот никак это у меня в голове не укладывалось. – Неужели не пытались установить, откуда ты? Не было

ни пропавших кораблей, ничего?

– В том то и дело, что нет. Правда, ребята на Марсе потом сказали, что такое бывает.

– Чудесная формулировка! «Бывает!»...

– Они даже думали, что я – один из уснувших пилотов Мемориала. Что легенда правдива.

– В смысле?

– Есть легенда, что в Мемориале спят пилоты времён Зари. И если снова придёт враг, они проснутся и покажут ему, что не стоит лезть в систему.

Вот интересно, если я Тима ключом стукну, Том Том вмешается или нет? Неужели нельзя сразу всё рассказать?

– А Мемориал – это вообще что? И почему он не на самом Марсе, а неизвестно где?

– Почему – неизвестно? Вполне себе известно. Их несколько, Мемориалов. Один – место первого боя с мантисами, база на Обероне. Второй – на самом Марсе, в Олимпе. Город у подножья самой большой марсианской горы, вернее, потухшего вулкана. Третий – это в космосе инсталляция основного сражения Зари... И, кстати, ты опять на лингву перешла. Давай по-французски дальше.

– L'emmerdeur! Погоди... Получается, «зануда» – от того же корня, что и «дерьмо»? Ну и язык... – я затянула последний болт на спине Том Тома и проверила герметичность сборки, сначала вручную, потом запустила тестирование. – А сражение – это той самой «Зари»? Так это марсианский

или террянский корабль?

– Заря – операция по освобождению Терры и Солнечной. Это корабль в честь неё назвали. Там и марсиане сражались, и терряне. Говорят, кстати, что и в Олимпе на Марсе есть не только боевые корабли, но и первые колонисты. В анабиозе. Сам город законсервирован. На Марсе вообще много легенд о прошлом. Они единственные, кто сохранил хоть что-то о том времени. Вообще у нас... у них, на Марсе, в Комитете Безопасности есть специальное подразделение из Чёрных Драконов – группа «Память». Их задача – установить обстоятельства гибели всех Первых.

– В смысле?

– В прямом. Они считают, что среди Первых не должно быть пропавших без вести.

– Бред какой-то!.. Это когда было-то? Пятьсот лет назад?

– Как-то так. Только их это не останавливает. До сих пор, вроде, ищут.

Про Первых я уже знала. Так на Марсе называют первых колонистов и их детей. Первое поколение. Они осваивали планету, первыми дали бой мантисам, организовали сопротивление... В общем, крутые ребята, и ничего удивительного, что на Марсе их уважают и память чтят. Если хотя бы половина того, что я о них слышала, правда, то *такие* Предки – это очень могущественные лоа. Но всё равно – полтыщи лет искать, кто, где и как погиб... Я бы так не смогла, наверное. Хотя уже поняла, что на Марсе народ хороший живёт,

но странный местами.

Я вообще очень люблю слушать, как Тим про Марс рассказывает. У него прямо глаза загораются, и сразу видно, что ему приятно вспоминать. Правда, лучше не увлекаться, а то его уносит куда-то. В смысле, как тогда, на планете Ока. Тим связан с Марсом, точняк, но вот как именно? Нет, обязательно после Теллура надо будет туда слетать!..

– Марс местами странная планета. Иногда там появляются фантомы. Например, в эфире может зазвучать старая музыка. Или кто-нибудь увидит идущего по поверхности Чёрного Дракона, сделают переключку, все на месте. А того и след простыл. Чёрные могут очень долго дышать на поверхности. И излучение им не страшно. Впрочем, сейчас почти любой коренной марсианин может минут десять-двадцать дышать местной атмосферой без последствий. Коренной житель Марса – это третье поколение считается. Бывают и исключения. Я, например, могу минут пять-десять дышать. А Драконы – намного дольше.

– А чем вы там дышите? Я ведь про Марс читала, там с кислородом всё плохо совсем. Ну, в смысле – его в атмосфере мало очень. И воздух для дыхания не годится.

Тим улыбнулся:

– Ну вообще, да, не годится. Но ты про марсианский геном слышала?

– Что-то читала... Но это же легенда вроде, нет?

Ну да, я «Путеводитель для начинающих путешествен-

ников по Вселенной» несколько раз перечитывала. И там прямо говорится, что это какой-то ген или комбинация генов, который позволяет человеку к самым сложным условиям быстро приспосабливаться. Но и там же написано, что никто этот ген не нашёл. А с другой стороны – взять ту же зону Шнайдера около Туманности. Вроде как нет там мутагенных факторов, так откуда те же амазонки взялись? В общем, я так понимаю, что никто толком про это ничего не знает. Ни про то, как поле Воронова-Бланко на человека действует, ни про марсианский геном. А Тим меня по голове потрепал:

– Не легенда. Есть что-то такое. Я в биологии не силен, но насколько я знаю, биологи Первых – фон Окле и Ланге – какие-то генетические программы для колонистов разрабатывали... – смотрю, Тим опять поплыл. – Ты не представляешь, какое это удовольствие – дышать на Марсе. Особенно в Олимпе, в парке. Воздух там...

– Тим.... Ти-им! Вернись, ты меня пугаешь... – вот стоило подумать, как его опять куда-то не туда понесло! В смысле – умильная улыбка и взгляд внутрь себя. Но я уже знала, что самый надёжный способ вывести Тима из этого состояния – какой-нибудь вопрос на другую тему задать. – А нет способа проверить, откуда человек родом? Генетический анализ или что-то такое?

– Не. Нету. Ну, то есть анализ-то провести можно, но только его с чем-то сравнивать надо. Если о генетике говорить. Можно по биохимии предположить. Но это если человек мо-

лодой совсем и на одной планете жил.

– А язык? Я ведь так понимаю, после «Последней надежды» амнезия не полная, что-то же ты помнил?

– Не знаю... – Тим лоб потёр, и я поняла, что надо этот разговор сворачивать, и побыстрее. – На Марсе на марсианском говорят, это смесь русского с немецким вроде. Я его быстро освоил. А какой у меня родной был...

– Так, погоди... О! Том Том! Какие у тебя были базовые настройки языка, когда ты включился?

– Космолингва и русский.

– То есть ты с Терры?

– Или с Марса.

– Ничего не понимаю...

Вот реально – ничегошеньки. То есть по всему выходит, что Тим и Том откуда-то из Солнечной. Но не может же человек просто так взять – и пропасть. А потом – ап! – и найтись. Легенды о спящих пилотах – это красиво и здорово, конечно, но даже если это правда, то как эту парочку в Пространство занесло?

Я, честно сказать, даже изображение Том Тома в кибермозг «Алады» загрузила, чтобы по базам прогнать и найти аналоги. Ну, и нашла. Ага. Лучше бы не находила. Потому что получалось, что Том больше всего похож на модели скафов из компьютерных игр о начале колонизации. Хотя у меня базы, конечно, не полные, так что надо повторить поиск, когда из гипера выйдем. Я ради такого даже за гиперсвязь

заплатить готова. Хотя можно подождать до Теллура, там самые крутые кибер- и комм-системы делают, и базы данных у них ого-го какие! Может, что и найду. А Тим, когда я ему сказала, что Том Том на скафы из игрушек похож, только плечами пожал. «Да – говорит, – он точно не современный, но куда как более эффективный»...

В общем, всё было просто отлично, пока мы не вышли из прыжка и не оттормозились с релятивистских скоростей. Образно говоря, перестали быть лучом света и стали вполне себе материальным объектом, способным посылать и принимать передачи.

И сходу поймали сигнал пассажирского лайнера с Алианта на аварийной частоте гиперсвязи. «Атакован пиратами, прошу помощи»...

Тим Найдёнов

Ну, вот и приплыли, что называется. Занесла нелёгкая, причём я уже заранее знаю, что будет. Нет, принимай решение я, ничего бы не изменилось. Но...

– Что у нас с оружием? – Инге смотрит на меня огромными глазищами. Она напугана, и я даже понимаю, чем именно. Решением, которое мы уже приняли, не сговариваясь. А ведь она толком не может даже наши возможности оценить! Хотя что там оценивать...

– Считай, что ничего. Торпед нет, ракеты только у Тома, хиленькие, нам надо трюм под них переделывать. Правда, излучатели поставили. Но это...

– Но... Но нельзя же так вот... Просто... Надо же что-то сделать!

Надо-то надо, но что мы сможем тут сделать, ненаглядная моя? Нет, кое-что можем, но понимает ли Инге, насколько это всё... глупо? Ни один нормальный человек на такое не пойдёт. Но «нормальные люди» – это точно не про нас.

– Сколько боёв ты провела?

– Один... Учебный, с тобой.

– Мы не члены Братства. Вступать в бой не обязаны, так что... Можем просто посмотреть. Но стоит ли? Если что пойдёт не так, нам хана, – да, кажется, я выбрал неудачную формулировку. Инге мгновенно взвилась:

– Посмотреть?! Как людей убивают?

– Да. И если потом будет нужна помощь, собрать тех, кому можно помочь.

– Надо сделать всё, что можно, – она сникла.

– Тогда посылай сигнал: «Принял, гражданский транспорт, иду как наблюдатель».

Смотрю, как Инге, понурившись, отправляет сигнал лайнеру... а потом начинает лихорадочно стучать по консоли. Прыжок рассчитывает. Что же, всё понятно.

«Том, проведи калибровку и синхронизацию по спаркам. Проверь транспортёры дефлекторов».

Эх, нам бы сюда четвёртого! На самом деле тот, кто изобрёл фасеточные поля, гений. Мало того, что им любые конфигурации придавать можно, так ещё и перегрузить такое поле целиком практически нереально. Конечно, если по противнику маршевыми движками пройти, как Инге в учебном бою сделала, то всё снесёт, но в реальности такое редко бывает. Обычно фасетки выжигает, одну, максимум две. И тут задача канонира – успеть в эту дыру в поле торпеду положить до того, как предохранители перегрузили. У нас замена предохранителей на автоматику поставлена, но такие вещи лучше на контроле держать. Но нас всего трое, так что о канонире-дефлекторщике можно только мечтать.

«Подерёмся?»

«Похоже на то».

«Принял, Командир. Заодно проветримся».

Весь этот диалог провожу молча, Инге его не слышит. У меня с Том Томом своя связь, через комм и имплантат.

– Внимание, экипаж! Разгон на счёт «раз»! – да-да, конечно, «иду как наблюдатель»... Но тут главное, чтобы пираты поверили.

Ох, и дала же Инге мощностъ на движки! Я думал, нас по креслам размажет, так что во время разгона особо не поговорить было. Значит, и выход нас ждёт весёлый.

Вообще что прыжок в гипер, что возвращение в нормальное пространство – то ещё удовольствие. Резкий переход от перегрузок, с которыми не могут справиться даже амортизаторы кресел, к невесомости воспринимается как сильный удар. Потом снова включается искусственная гравитация, и корабль «зависает» в белёсом нигде. Я, кстати, читал, что мы видим подпространство как непонятную муть только потому, что наше зрение не способно воспринять, а мозг осознать то, что нас в это время окружает. Не знаю, не знаю. Тут вообще всё странно. И самое главное: почему объективного времени прыжок занимает секунды, а субъективного – от нескольких часов до нескольких дней? Причём это непредсказуемо и неизвестно, пока корабль не ушёл в гипер. Помню, Инге предположила, что это Вселенная релятивистские эффекты компенсирует, парадокс близнецов или что-то такое. Не знаю, я так и не понял, честно говоря.

– Прыжок длинный?

– Нет, три часа всего.

– Хорошо, – можно было бы и побольше, хотя тут как посмотреть. Нам три часа – как раз подготовиться, да и Инге я проинструктировать успею. Было бы больше, она бы снова испугалась, а уж раз мы решили вмешаться, то паниковать никак нельзя. Конечно, командовать мне придётся, но ей тоже решения принимать надо будет, и быстро.

Уже голосом отдаю приказ:

– Том, консоль канонира на себя. Займи место в трюме.

– Принял. Переключаю.

– Ты выйти собрался? – у Инге опять паника в голосе. Плохо.

– Если придётся.

Ну что значит – «если придётся»? Понятно, что придётся, иначе никак. Так что большую часть прыжка я снаряжал Тома, который довольно фырчал, шевеля установками ведения огня и проверяя системы. Я даже прикинул, не переждать ли выход из гипервоя в Томе, но решил вернуться на мостик. Конечно, можно и по связи Инге проинструктировать, но лучше, если я рядом буду. Так что, как только она дала по кораблю предупреждение о пятиминутной готовности, я побежал к ней. Надо сказать, что поначалу Инге явно развлекалась, очень серьёзным голосом выдавая штатные оповещения о манёврах, но сейчас тон изменился. Она работала, приколы кончились, и это было правильно.

Перед выходом из гипервоя снова наступает невесомость: все энергозатратные процессы в корабле отключаются. Ра-

ботаёт только жизнеобеспечение, причём по минимуму, зато на конструкционные и магнитно-динамические поля энергия даётся по максимуму. Потому что в момент выхода в обычное пространство на корабль обрушиваются все те «же», с которыми он уходил в прыжок. Грубо говоря, прыгнул ты с двенадцатикратной перегрузкой, её на выходе и получил. Но только не плавно, на разгоне, а сходу. Была неведомость – и бах, всё твоё. Неприятно, мягко говоря. Очень. И, как будто этого мало, сразу начинается торможение, меняя вектор перегрузок, но отнюдь не делая их мягче...

Нас ещё размазывает по креслам, а Инге через нейрошлем уже пытается настроить картинку. Всё-таки она прекрасный пилот и прыжок рассчитала идеально. Сразу после выхода на экранах рисуется схема: три зелёные метки – транспондеры лайнера и сопровождения, и шесть белых, которые почти сразу сменяются на красные.

– Так, вон видишь две точки?

– Вижу.

– Можно пойти ва-банк. Рискнуть. Как Том подаст сигнал, даёшь залп по первому всеми излучателями, Том их синхронизировал, и тут же стреляешь по второму.

– А ты? – если судить по голосу, Инге сейчас расплается, но лицо напряжённое и сосредоточенное. Порядок. Кажется, шансы у нас всё-таки есть.

– С первого сшибёшь щиты, и я пройду через поле. А если по второму попадёшь, вообще ляпота будет. И сразу от-

ходишь, за тобой никто не погонится.

– А ты...

– Когда пройду поле, подсвети первого жёлтым, чтобы подмога не разнесла его. Всё, работаем.

– Осторожнее только. Я себе не прощу, если...

Но я уже не слушал. Всё, игры кончились, начинается работа. Это вам не учебный бой. Это, простите, война-с.

Бежать под перегрузками тяжело, но этому в пехоте в первую очередь учат. Тут ведь главное – научиться правильно ногу ставить, чтобы не подвернуть и не сломать лодыжку в самый неподходящий момент. Это Драконам хорошо, у одних – имплантаты, у других – просто кости сверхпрочные, а нам, простым смертным, беречься надо... Том Том уже ждёт. Забираюсь внутрь, устраиваюсь поудобнее, всё тело мягко обжимают нейрофиксаторы, теперь мы с Томом практически одно, тихий «вздых» герметизации, системы в норме...

– Открыть трюм. Дать отсчёт.

– Приняла. Трюм открыт, – голос Инге меняется на голос системы, она отсчитывает время до момента, когда корабль будет способен к манёврам, и с него можно стартовать. – Пять, четыре, три...

– Пошёл.

Том довольно активирует двигатель. У-у-ух, понеслась душа в рай, теперь главное в синхронности, цель неумолимо приближается, «Алада» остаётся позади и чуть сбоку, она всё ещё тормозит, но ещё немного, и сможет полноценно ис-

пользовать тягу.

– Том?

– Всё по плану, Командир, – он подсвечивает мне поле корабля, и тут Инге даёт залп. В желтоватой плёнке – вообще поля не видно, это модель на тактическом экране – возникает дыра, Том выпускает пару ракет по второму пирату, и мы несёмся в разрыв в дефлекторах, пока вражеский канонир – или система, пока неважно, на скорость перезагрузки это не влияет, – не поменял предохранители.

Успели!

Краем глаза фиксирую разрывы на поле второго противника. Что-то там происходит, но приглядываться некогда: мы с Томом уже на броне. Геккоринги вцепились в поверхность, оглядываюсь... Ай, Том, ай, молодчина! До технического блока всего несколько шагов. Ведь мне сейчас главное что? Попасть внутрь, и Том высадил нас так, что не надо бегать по корпусу и искать проходы...

«Кэп вывела из строя второго. Ракеты сбили поля, Капитан снесла ему с борта генераторы дефлекторов».

«Как?»

Как, как... Единственным возможным способом. Прогнала, судя по всему, впритирку, почти вплотную за ракетами, по косой ударила в разрыв в полях... Ненормальная.

«Успешно. Он не боец».

«Выпорю!»

«Командир, она уже отходит».

Обмен данными с Томом занимает мгновения.

Ну всё, теперь ты мой, красавчик. Заряд в технический блок, принудительное вскрытие корпуса, будем считать, что аварийное, да-да... «Том, шкурку не попорть», тот только хмыкает, активируя автоматы. Это штурмовик, тут есть с кем пообщаться накоротке...

А вот это просто сказка! Коротенькая, но залихватская музыка в эфире, и весёлый голос:

– Игрок за столом, моя раздача. Музыкальная пауза.

Есть! Теперь это не просто адреналин, теперь это ещё и азарт. Игрок – это хорошо, Игрок – это Братство и, значит, расклад сил поменялся кардинально.

– Инге, не дай себя подстрелить, отходи. Подмога пришла.

– Приня...

Ответ заглушает музыка. Эти фирменный почерк Братства – забить чем-нибудь повеселее весь диапазон, чтобы никаких переговоров. Конечно, гиперсвязь так не заблокируешь, а вот всё остальное... В ордере Братства пилоты и канониры знают друг друга, хорошо представляют, кто что может, и связь им, по большому счёту, не нужна. В отличие от тех же пиратов, которым надо согласовать действия и распределить цели. А если добавить тот примечательный факт, что корабли в Братстве, как правило, внеклассовые, и на самом большом может оказаться всего четыре спарки, а на среднем штурмовичке – ракеты последних моделей, сангусские двигатели, пара энергокубов и марсианские излуча-

тели... Короче, непонятно, чего ждать и кого атаковать первым.

«Мы с тобой давно уже не те, мы не живём делами грешными...»² Игрок, как и я, любит Марс, и музыка у него с Марса. И новая, и старая, ещё досумеречная. Коротко трескает гаусс-автомат, убирая цель за тонкой переборкой. А нефига при abordage по норам прятаться. Думаешь, если ты канонир-дефлекторщик, тебя не тронут?.. Вообще-то из гаусса на борту стрелять – дело неблагодарное, конструкционные и магнитно-динамические поля энергетическое и высокоскоростное оружие не любят. Поэтому при abordажих до сих пор народ по старинке дерётся – или с обычным огнестрелом, или вообще с холодным. Но ускорение у нас сейчас нулевое, корабль не маневрирует, так что если что и засбоит, не смертельно... «Спим в тепле, не верим темноте, а шпаги на стену повешены...» Ну, это у кого как. Я не эстет, у меня не новомодный клинок, у меня старинный плазменный резак в руках, так что вывалившуюся на нас парочку пиратов ожидает неприятный сюрприз. Первого просто разваливает пополам, а второго, бегущего следом, охаживает более холодной плазмой. Впрочем, разница между пятью и жалкими двумя тысячами градусов в данном случае непринципиальна. «В нашей шхуне сделали кафе, на тумбу пушки исковеркали...» Вот уж точно, после нас тут хоть кафе, хоть стрипклуб открывай, ремонту будет до хренища. Переборка

² «Мы с тобой давно уже не те...» Песня Юрия Аделунга.

успела упасть, закрывая мостик, и это не очень хорошо. Но и не плохо, если честно. «Истрачен порох фейерверками, на катафалк пошёл лафет...» Ну, это у кого как, у меня запасов «пороха» хватит на всех. А с катафалком погодим, не наше время ещё...

«Том, вышибной».

«Злой ты, Командир».

Восемь зарядов по периметру переборки, один в центр, активация, первые поднимают температуру до предела, центральный с гуканьем отправляет переборку внутрь. Том фиксирует цели, гауссы выдают своё коротенькое «гррррруу» и... И, собственно, всё. Большая часть здешнего экипажа, видимо, снаружи, штурмует лайнер, и охранения на борту никто не оставил. Ну да, на появление психов вроде нас с Инге и Томом тут явно не рассчитывали.

– Том, управление на себя, проверить системы, дай подсветку «свой», дефлекторы...

Времени на штатные процедуры нет, так что просто срываю ложемент, занимая место на амортизаторе вместо него. Потом приварим, если надо будет.

– Системы функционируют, повреждения незначительны, дефлекторы активны на восемьдесят три и девяносто две сотых процента, фокусировка излучателей произведена.

– Понеслось.

Консоль канонира вывожу прямо в Тома, благо тот просто вырвал её с корнем и напрямую подключился к системе.

Это куда проще, чем проходить сложный путь от взлома паролей до заведения нового пользователя. На экране приличных размеров корабль выходит из торможения кормой вперёд, в качестве тормозных движков используя маршевый, и сразу отстреливает несомых. От этого манёвра его тормозит так, как будто он якорь выбросил. А он ещё и маневровочными табанит, разворачиваясь. Наверняка экипаж размазан по стенкам, хотя если это Игрок, легенда Братства, то им пофиг.

Ну а я стреляю по всем, до кого достану, главное – отвлекать противника и жечь их предохранители. Это раньше у них был численный перевес, а вот теперь... Нашего недобитка Игрок выносит по-джентельменски: проходит расфокусированными излучателями, выжигая в броне всё, что может стрелять, и выбрасывает пару абордажников. Охранение лайнера, вернее, те двое, что остались, и пары несомых Игрока валят остатки нападавших, не без моей помощи, конечно. Том указывает очередность захода наших на цели, а я просто поливаю подсвеченного противника из всех стволов. Особого вреда это ему не причиняет, но систему грузит будьте-на-те, да и слепит нехило. Так что всё кончается очень быстро.

– Тим? – раздаётся в динамиках, как только стихает музыка.

– Дорогая, а как мы эту лоханку доведём? – спрашиваю вместо стандартного отчёта. Мы же не в армии всё-таки.

– Кого?

– Приз, – что-то моя ненаглядная подтупливает. Впро-

чем... Первый бой, как-никак, адреналин кончается и наступает отходняк.

– Игрок Лайнеру. Все живы?

– Лайнер Игроку, в норме. Половина вашего приза транспорта, они с него щиты сняли.

– Игрок транспорту, деньгами возьмёшь? – понимаю, что от Инге сейчас толку нет, так что отвечаю сам:

– Приз Игроку. Возьмём, нам он не нужен, понять бы, как приз дотащить.

– Пилота дам, если вы на Теллур не против.

– Туда и идём. За пилота спасибо.

– Тогда паркуйтесь, скоро лайнер такси прийдёт. А транспорт на автопилоте, что ли?

– Нет, просто у кэпа это первый бой в жизни.

– Уважаю... Даю парковочные лучи. Транспорт, сам пристыкуешься?

– Да, – наконец подаёт голосок Инге.

– Приз?

– Ага, но могу что-нибудь помять, ты меня полем лучше подтащи.

– То-то ты болтался, как... Но стрелял отменно. От моих несомых спасибо. Помог.

Нас качнуло – сработал силовой захват, и меня медленно потащило к большому кораблю Игрока, на борту которого отчётливо виднелся покерный джокер. Насколько я помню, корабль у него так и назывался. Интересно, а несомые – это

тузы в рукаве?

– Приз, может, тебя в трюме довести до Теллура?

– Как вариант.

– Тогда пилота отправляю, а потом вас в трюм захватом затащу, он проконтролирует.

– Принял.

– Жди, сейчас своих расставляю, чтобы не мешали, мало ли что. Отбой.

– Принял, отбой.

Потекли минуты. Я расслабился и наблюдал за суетой в космосе. Инге с несомыми Игрока подбирали людей, тех, кто успел покинуть подбитые и покалеченные корабли. Пиратство наказуемо, но лучше попытать судьбу на Теллуре, на каторге, расчищая земли под очередной город, чем остаться один на один с Бездной. Это не оживлённая Солнечная, где меня выловили, тут шансов, что мимо пройдёт в торможении ещё один корабль, нет вообще. Люди тоже были подсвечены кто зелёным, кто красным. Инге подбирала только зелёных, и то не запускала внутрь, пилоты крепились на броне. А вот ребята Игрока брали красных. То и дело слышался металлический голос – «Передать коды управления, отключить консоль ввода». Один, похоже, решил поиграть в игры, и был немедленно расплён выстрелом спарки, с формулировкой: «Неисполнение приказа при задержании, параграф 87 Декларации "Мирный космос"». Этого параграфа я не знал, как и самой декларации, собственно говоря, поэто-

му запросил Тома. Тот немедленно отозвался:

– Параграф 87 в части 7 Декларации о Мирном космосе гласит: «Лицо, уличённое в пиратстве и пожелавшее сдаться, должно передать все коды управления всеми системами любого транспортного средства, в котором находится, включая средства индивидуальной защиты, и заблокировать возможность самостоятельного управления оными. В случае невыполнении законных требования либо уклонения от их выполнения, уличённый в пиратстве подлежит немедленному уничтожению».

– Потом скинь на комм, почитаю.

– Приз, «Джокер-три», примите на борт, – на экране видно, как к нам приближался человек в скафандре на транспортном кресле.

– Приз третьему, попробую открыть трюм, если не выйдет, заходи по моим следам.

– Принял. Не парься, пойду по следу, телегу принайтую.

Ого, это интересно. Давно я таких оборотов не слышал. Невольно начинаю улыбаться. Везёт же мне!

Мой новый пилот появился через пару минут. Зашёл, огляделся и закрыл за собой вторую переборку мостика. Вот я тупой! Мог бы и сам сообразить. «Джокер-три» подождал, пока нормализуется давление, и поднял забрало.

– Игорь. Твой временный пилот. А неслабо ты тут повоевал.

– Есть такое. Тим Найденов. Располагайся, брат.

Коренастый белобрысый парень хмыкнул и огорошил меня:

– Мы знакомы, заочно.

– Как так?

– А вот так. Сеня, что тебя нашёл, мой родственник, а лично мне ты экзамен сдавал. Практику. Твой пилот о тебе очень тепло отзывался, кстати. Теперь я понимаю, как вы, считай, две эти лоханки на одних второсортных пукалках уделали.

– Так у меня и сейчас пилот один из лучших. Потому и уделали.

– Вот уж не сомневаюсь. Чтобы кавалер Синей Устрицы себе плохого пилота нашёл? Такого не бывает!

– Что ещё за синяя устрица? – меня ничем таким не награжда... Ох ты! Да он мне фингал припомнил! Я тогда специально в регенератор не полез, а что? Боевое ранение, как-никак!

– У нас с тех пор так и повелось. Синий значит фингал, а если переливается, из чёрного в красный и синий, то Устрица. Так что, считай, ты родоначальник новой традиции, – Игорь захохотал, и я вместе с ним. Нет, тогда мы отработали на все сто, сделали всё как положено, в лучшем виде, и без жертв обошлись. А фингал я заработал совершенно поидиотски, поскользнулся и упал мордой на стол. Это ж постараться надо было...

– Ладно, к делу, – Игорь не стал выламывать ложемент, а штатно сдвинул кресло пилота, подключая скаф к системе: –

Ломанный или?..

Ну да, оторванная консоль управления канонирского пульта говорит сама за себя.

– Ломанный. Пока висел, вскрыл. Держи коды, – Том сбросил Игорю данные, а я, не удержавшись, спросил: – Как дома?

– Давно не был. Сам-то как? Домой не хочешь?

– Хочу, но сначала на Теллур, там тоже хорошо. Да и не один я теперь, – снова улыбаюсь, на этот раз вспоминая Инге, которая где-то рядом.

– Так вместе и давайте. Конфликт улажен, Терра подтвердила наше право на вмешательство. Правда, тебе придётся, как и нам, пользоваться гостеприимным сопровождением.

– Переживу. Значит, полная реабилитация?

– Ну, типа того.

– Это хорошо. А то мне вроде как добро дали, но о реабилитации не сказали, – ну да, на «Заре», когда нас награждали, нам троим – мне, Инге и Найке, – открыли визы на Терру. В смысле, дали неограниченное право посещения. Но меня всё терзали сомнения насчёт Устричной войны. Вот так прилетишь на родину человечества, а тебя под белые ручки – и давай предъявы кидать...

– Так, всё. Наши в трюме, твой основной тоже швартуется. Джокер, Дэ-три. На Призе, готовы принять?

– Вторая палуба. Луч активирован.

– Принял, держите в захвате, тут только манёвровые в

норме, остальное разбалансировано.

– Принял. Порядок входа: сначала приз, потом основной. Транспорт, такси подать?

– Сама доберусь, – судя по голосу, Инге уже в норме. – Не маленькая.

– Принял. Шлюз подсветил, он метрах в трёх от тебя. Заходишь по зелёному сигналу.

– Принято.

Игорь споро корректировал заход корабля в трюм. Силовой захват – это хорошо, но это на больших кораблях метр вправо, пять влево – не беда. А «Джокер» Игрока хоть и намного больше нашей «Алады», но даже со «Стремительным» не сравнить. Не говоря уже о «Торнадо» или «Заре», у которой в трюме пара-тройка таких уместится. «Джокеров», не «Алад».

«Давление в норме, можно выходить».

Том отключился от консоли, Игорь, подумав, открыл люки, обесточил всё, что можно, и мы двинулись на выход.

– Со мной или подождёшь?

– Подожду.

– Ну, давай, скоро увидимся, – Игорь хлопнул меня по плечу и пошёл в шлюз, а я остался ждать Инге.

В трюме было тесновато, он явно не рассчитан на такое количество кораблей. Мне пришлось посторониться: трое в скафах биозащиты прошли в «приз». Ну да, тела надо убирать. Вот уж задачка у ребят – не позавидуешь. Проштрафи-

лись чем-нибудь, небось...

Инге появилась минут через пять. Обниматься в скафандрах не очень-то удобно, но мы всё-таки стукнулись забралами, постояли несколько секунд и пошли следом за Игорем. И сразу ожил интерком:

– Гости дорогие, двигайте по зелёной дорожке. Только помойтесь вначале и переоденьтесь.

– Не поня... А, поняла. Слушай, а зачем нам этот приз?

Шлюз был больше типового и с отличной системой очистки. Нас облили реагентом, обдули сухим воздухом и только после этого выпустили в «раздевалку». Инге покрутила головой, углядела пустой шкаф и начала вылезать из скафандра.

– Игрок нам за половину второго корабля заплатит, мы этот подлатаем и продадим. Может, тому же Игроку, или он посоветует кого. Так прибыльнее. А на вырученные деньги «Аладу» до ума доведём.

– Ух ты-ы-ы... – Инге заулыбалась, аж щурясь от предвкушения, явно представляя, что можно сделать с кораблём на такие деньжищи. Она шагнула ко мне, прижалась, обнимая. Глянула снизу вверх, а глаза красные – сосуды полопались, синяки уже проступают, и кровь размазанная под носом засохла. Это на каких перегрузках она маневрировала?.. Протянула мечтательно: – Оружие нормальное поставим... Что, ты говорил, для этого надо?

– Трюмы переоборудовать. А ты так и пойдёшь? Нет, я не против, конечно, но... – ну да, это в Том Тома можно в чём

удобно забираться, хоть голышом, хоть в костюме с галстуком, а вот Инге... Нет, я только рад любоваться этой фигуркой в тонком подсафандровом комбезе, но моя ненаглядная, похоже, представила реакцию мужчин и вроде даже покраснела.

– Ой...

– Кэп, есть чем прикрыться? – спросил я в воздух.

– Третий ящик.

– Спасибо.

В третьем ящике нашлись тонкие вышитые шаровары на завязочках, странная помесь кофточки и пелеринки с какими-то украшениями и корабельные... ну, пожалуй что туфельки. Сразу видно, у Игрока на борту как минимум одна модница.

Мы привели себя в порядок, собрались выходить, но тут зашипела переборка, и в проёме показался здоровенный мужик, ростом под два с половиной метра. Ну, понятно теперь, почему тут такие шлюзы. И ясно, кто это. Игрока я лично не знал, но много о нём слышал.

– Инге, знакомься, это Арк, он же Игрок. Игрок, это Инге, капитан нашего корабля.

– Не ожидал, – пробасил лысый как коленка Игрок, пока Инге ошалело пялилась на него. Ну, ещё бы, для неё и я несколько высоковат, а это, считай, на полметра минимум выше. – Хорошая работа, капитан. И abordаж хороший, Тим. Игорь рассказал. Говорит, еле дошёл, вокруг только кровь и

мозги. Говорит, захожу на мостик, а там Том Том стоит и стволами шевелит. Раз переоделись, то пошли.

«Джокер», похоже, полностью под капитана переоборудовали. Высота проходов здесь была стандартная для корабля такого класса: три с половиной метра, чтобы спокойно перемещались и люди в боевых скафандрах, и ремонтная техника. Только на «Джокере», в отличие от того же «Стерегащего» не было никаких скоб и лесенок по стенам и потолку: Игрок в боевом скафе просто посшибал бы их головой. И на переборках стояли датчики, которые определяли, кто подходит к отсеку, и открывали или обычную диафрагму, или переборки для прохода тяжёлой техники – для капитана. Инге постоянно от нас отставала, Игрок басил: «Извините, забылся», замедлял шаг, но надолго его не хватало.

Игрок провёл нас сразу на мостик, и первые, кто бросились в глаза – это такие же огромные парень и девушка. Парень, как и Игрок, лысый, у девушки виски выбриты, но при этом длинная коса чуть ли не до попы. Ну, всё верно, ключники они и есть ключники. А вот рядом...

Сначала мозг просто уловил какое-то несоответствие: рабочие комбинезоны с полной «сбруей» – и при этом вуали на лицах. Потом я понял, что диадемки, которые эти самые вуали придерживают – это мнемоблоки. А потом оказалось, что моя рука на кобуре, а лапища Игрока – у меня на плече.

– Ша! Никто ни в кого не стреляет, – сожми он пальцы чуть сильнее, и захрустят кости. – Лота и Кай мои пилоты.

Фишку рубят и правила знают. Мнемоблок не вживлён с разрешения Адмиралтейства Теллура.

Угу. С разрешения Адмиралтейства. Предположим.

Теперь понятно, чья одежда на Инге. Амазонки это, а амазонки – это серьёзно. Даже не знаю, кто страшнее: больвоги, волки или амазонки. Вернее, знаю. Первые и вторые просто убьют. А амазонки живьём взять попробуют, и будешь ты всю оставшуюся недолгую жизнь работать быком-осеменителем. Они как вампиры. Вернее, они и есть вампиры, только не кровь пьют, а жизненную силу человека, энергию, пси... короче, всё. Красавицы явно прочитали мои мысли и обе улыбнулись под вуальками. На них хотелось смотреть, любоваться ими, их грацией, лёгкостью, точёными фигурками, а ещё здорово было бы услышать их смех – ясный и чистый. Нет – низкий, с хрипотцой...

– Тим? – Инге подлезла мне под руку, и я обнял её... да что там, вцепился, как в спасательный круг. Я не ключник и не Чёрный Дракон, как Игорь, я нормальный мужик, а на нас эти дамочки производят убийственное впечатление. Даже при том, что у меня с армии мнемоблок имплантирован. Инге прижалась ко мне, глянула на амазона – и что-то между ними произошло. Не то они какими-то любезностями на своём пси-уровне обменялись, не то ещё что, но мне вроде как полегче стало. И Игрок пальцы разжал и дальше экипаж представлять начал:

– Значит, Лота и Кай – пилоты несомых. Зар – командир

абордажной группы. Эка, канонир и второй пилот. Мои брат и сестра. Инге, это Игорь, командир истребительной группы. Дракон на дембеле. Марсианин, соответственно. Так, Тим, скоро ещё Рой придёт. За ствол, чур, опять не хвататься. А то можно не успеть. Мне, собственно, под Роя корабль и нужен. Кстати. Вы с призом что делать хотите?

– Конкретно не думали, у нас сейчас на два корабля один пилот, – Инге пожала плечами. Молодец, лицо не теряет и старается держаться на равных, хотя даётся ей это явно с трудом.

– Понял. Если что, я его у вас тоже куплю. По цене сделанного. Но не по самой большой, конечно. Работы там немного, так что ничего не потеряю. А вам время сэкономлю. Плюс посоветую верфи Братства. И скидку вам там парни дадут. Скажу кому надо. На круг то на то и выйдет. А там, как пилотами разживётесь, и новый приз с такими талантами возьмёте.

– Я думаю, это хорошая идея. – Инге быстро глянула на меня, я кивнул, и она повторила: – Да, хорошая. А мы сможем на те деньги корабль переоборудовать?

– С лихвой хватит. Игорь, спецификацию не прикинешь?

– Уже. Внеклассовый транспорт. Движки можно выкинуть или вместо тормозных воткнуть, энергокуб на излучатели и поля обособить, а новый на движки дублёром. Я бы вообще жёг старый куб в обычных полётах, а в бою переключал его полностью на канонира, а новенький – на движки.

Скорее всего, под замену амортизаторы, надо нормальные поставить, с подключением к регенерационной системе, излучатели взять теллурианские, ну и трюм под торпедный отсек переделать. Плюс по мелочи. Думаю, процентов шестьдесят- семьдесят приза уйдёт. Хотя нет, больше. Ещё абордажку надо, скафы, вооружение на них...

Мы с Инге переглянулись. Учитывая, что у нас ещё половина со второго приза... Это что же там за верфи у Братства и с кем они работают, коли такие деньги только на апгрейд уйдут? Интересно...

Инге Сонел

Я понятия не имею, как у меня хватило смелости... или наглости... или и того, и другого, чтобы в эту разборку влезть. Хотя, наверное, тут про глупость говорить надо. Поначалу страшно было – жуть. И, главное, понимаю, что нечего там делать, что никаких шансов нет, но и остановиться нельзя. А когда до меня дошло, что Тим и вправду наружу выходит, я чуть не заорала: «Не надо, вернись, давай не будем вмешиваться!» И решила: если Тим... с Тимом что случится из-за меня, я просто на таран пойду. Вот.

А потом я вдруг бояться перестала. Когда Том выпустил ракеты и я поняла, что под таким углом пирата не достану, а скорости для манёвра у меня хватает. Правда, сосуды в глазах полопались, но это ерунда. Зато я как ножом срезала ему с борта дефлект-генераторы. Не все, конечно, но когда у тебя две трети полусферы в ноль оголены, особо уже не повоюешь. А он, идиот, решил поля реформатировать. И на этом второй борт открыл. Ему, наверное, в голову не пришло, что транспорт вроде «Алады» можно по малой оси так закрутить. Мне тоже, если честно. То есть я сначала сделала, а потом поняла, что и как. Ну, в общем, я ему и второй борт подчистила. А потом из его плоскости ушла, чтобы он в ответ не выстрелил. То есть он выстрелил, конечно, но поля выдержали. И когда появились ребята из Братства, всё стало

совсем здорово. Только меня снова начало трясти. И трясло, пока я Тима в эфире не услышала.

Ну и потом я тоже мандражила здорово, потому что плохо понимала, что происходит. Как в тумане каком-то была. Я даже не помню толком, как народ подбирала, как с рейдером этим – «Джокером» – стыковалась. В голове прояснилось более-менее, только когда я Тима увидела. Целого и невредимого. Прижалась к нему, пусть на секундочку – и всё стало хорошо и правильно. Вот только спокойствия моего ненадолго хватило. Нет, я прекрасно знаю, что люди разные бывают, но когда появился этот самый Игрок и я поняла, что носом ему как раз в грудь утыкаюсь, чуть повыше солнечного сплетения... И братец с сестричкой у него такие же огромные. И амазонки эти...

Они вообще странные были. Вернее, ощущались странно. Нет, я быстро поняла, что на них мнемоблоки, но всё равно я их постоянно чувствовала. Амазонок, в смысле. Это как... Нет, сложно описать. Как будто они на меня пялились всё время. Бывает же так, что чужой взгляд чувствуешь? Вот что-то похожее, только они на меня не смотрели на самом деле. И даже сквозь вуальки эти ихние видно, какие они. Красивые, в смысле. Вот только красота у них была какая-то... Ненастоящая, что ли? Вот Хелен, Найка, Кира – они *действительно* красивые. Может, конечно, у них и фигуры не такие идеальные, и черты лица не настолько правильные, но всё равно. Вот не то что-то.

А Тим на них повёлся сходу. Ну да у меня разговор короткий: мой это мужчина, и точка! Нет, вслух я ничего не сказала, но амазонки-то эти точно пси были, причём какие-то не самые приятные. Ну, я и просигналила открытым текстом на той же частоте: «Моё! Не лезть!» И странно, но они меня вроде как поняли. Я прям почувствовала, как Тима отпускает. Правда, почти сразу он опять напрягся, но уже нормально, по-простому, если так сказать можно. Просто в рубку ещё один парень зашёл.

Да-а... Если я Игроку носом в грудь упираюсь, то этот где-то до пояса своему капитану будет. То есть метра полтора от силы, считая бутсы. И весь – сплошные мышцы, стандартные армейские брюки и футболка на нём прям бугрятся. Я волков никогда не видела, но сразу поняла, кто это. Про них говорят, что они одни из лучших бойцов в Космосе. А Игрок и его брат с сестрой, значит, ключники – жители планеты Замók. Про неё я тоже слышала: ихняя... их система – идеальный транспортный хаб, вокруг ни звёзд, ни пыли. И вроде поэтому их постоянно прижать пытаются. То амазонки, то волки, то ещё кто. Так что воевать им много приходится.

В общем, из всех, кто тут был, нормальным только Игорь выглядел. Крепкий, но не перекачанный, как Рой, лицо открытое, улыбка хорошая. А ведь он, как я поняла, этот самый марсианский командос, Дракон. Вот в жизни бы не сказала! Хотя откуда мне знать, как они выглядеть должны...

– Я смотрю, у вас тут полный интернационал? – спросил

Тим. Я этого слова не знаю, а вот Игрок всё понял:

– Да. Волк, амазонки, марсианин, и мы с Замка́. В команде ещё ребята с Теллура и старший техник с Терры.

– Только с Сангуса кого не хватает.

– Не-е. Сангус мы уважаем. Но в космосе они против нас как детишки. Вот если на планете, тогда да. Там они...

– Как школьники, – закончила за брата Эка, и все засмеялись.

– Ну не скажите, – покачал головой Игорь. – Пилоты у них неплохие. Да и на планете... Знаю пару ребят, очень хороши.

– Ага. Если их поднатаскать. Правда, на Сангусе уже мы им в подмётки не годимся, чего уж там. Профиль разный. Они больше по своим динозаврам летающим спецы, а мы по разумным.

Все опять засмеялись, как будто Эка что смешное сказала. А она ко мне повернулась и спрашивает:

– А вы, Инге, откуда? Никогда таких кораблей не видела.

И вот я вдруг поняла, что мне стыдно говорить, что я с задворок каких-то вылезла. Потому что вопрос прозвучал как-то... Обидно. Мол, откуда такое старьё выкопала. А, может, мне это только показалось, но я всё равно разозлилась.

– Из *culo del mundo*... жопы мира, короче, – говорю. – Безымянная колония под протекторатом... так это называется?... Дантея.

– Дантея? А... У Дантея и колоний-то нет... Хотя... Ясно, из Диких, значит.

Вам приятно будет, если вас дикими назовут? Вот и мне неприятно было это услышать. Почему-то, когда наш сектор Тёмными мирами называют, это не так обидно звучит. Я надеялась только, что у меня по лицу ничего не видно, хотя Тим постоянно говорит, что на мне всё метровыми буквами написано, даже приглядываться не надо. Но, может, это только для него?

– У вас так говорят? Дикие?

– Да. Это те, кто не входит в Торговый Союз. Старые колонии, – ответил Игрок. Похоже, у моего родного сектора та ещё репутация. Ну и ладно, зато раз уж в дикари записали, можно самые дурацкие вопросы задавать.

– Старые?

– Ну да. Самая старая колония – Теллур, но как она появилась – это отдельная история, – начал рассказывать Игорь. – База у Юпитера пропала, а там оказалась. Вроде к этому как-то мантисы причастны... А после Зари Терра начала посылать первые межзвёздные экспедиции, и почти все они... заблудились. Они уходили с Терры в обычном Пространстве, но потом связь с кораблями терялась. Долго не могли понять, в чём дело, а оказалось, что когда корабли достигали околосветовой скорости, из-за какой-то системной ошибки в растребе захвата открывалась кротовая нора, и корабль туда проваливался. Экспедиции на прямоточниках отправлять перестали, зато разработали гипердвигатели. Ну и дело пошло... Довольно быстро нашли Теллур, Сангус, Замбк,

Аль-Рами... Но большей части потерянных экспедиций не повезло: финиш-точки оказались в районе Туманности.

– В общем, я, кажется, поняла. Это колонии, которые долго выживали, как могли, без внешней поддержки и... Правильно?

– Да.

– Или которые так и не нашли, – добавил Рой. Голос у него оказался неожиданно низкий, не как у Игрока, конечно, но близко к тому.

– Не нашли... В смысле? То есть до сих пор существуют колонии, связь с которыми не восстановлена?

– Скорее всего. Некоторые, да все почти Дикие считают, что Терра их бросила. Ну, или считали. Поэтому её до сих пор тихо ненавидят.

– У нас... У нас вообще думали... думают, что никакой Терры нет. А планетой-прародительницей называют, как я теперь узнала, тамошний остров. В смысле – остров на Терре, Гаити.

И вот тут амазонки переглянулись как-то странно. Словно что-то они такое знают, и это что-то меня касается. И мне опять не по себе стало. Даже спросить хотелось: «Что вы на меня пялитесь?» Но я промолчала.

– Короче, Дикие скорее с Дантеем сотрудничать будут, чем с Союзом.

– Ну, нас никто не спрашивал, с кем мы хотим сотрудничать, насколько я знаю.

– Дантею и не надо вас спрашивать. Ему вас доить выгодней.

– Союз периодически устраивает вылазки в Дикие сектора, но это требует много сил. Каждая вылазка – это маленькая война. Иногда и не маленькая.

– А зачем?

– Ну как, чувство долга, наверное, – Игорь пожал плечами. – Но Дикие очень независимые.

– А как твоя планета называется? – внезапно спросила светловолосая амазонка, Кай.

– Да нет у неё названия. Только номер. Колония-17. Или Нова-17. По общим каталогам. А что?

– Упс. Я вас знаю.

– В смысле?

– Ну... Иногда мы прилетаем на планету. Пять-шесть се-
стёр. Специалисты по промывке мозгов. Лет семьдесят назад
мы увезли от вас под сотню человек на это самое Гаити.

– Что?! – я не поняла, но мне это очень не понравилось.
Да и народ в рубке насторожился.

– Что – «что»? Ты думаешь, нас просто так везде отстре-
ливают? Тебе очень надо знать, что с ними стало?

И тут до меня дошло.

И вот скажите на милость, как на такое реагировать?
Злиться? Возмущаться? Наверное, надо, вот только зачем?
Это давным-давно было, и сейчас уже ничего не изменить.
Но и махнуть рукой – мол, ерунда, забыли, я тоже не могу.

А в рубке тишина, и все на меня смотрят, Тим за руку взял, и надо что-то сказать, а в голову ничего не приходит. Ну не кидаться же на них с кулаками?

– Я хочу знать, *зачем* вы это делаете.

– А зачем ты дышишь?

– Это не ответ. Зачем вы забрали людей на Гаити?

– Мы их *к себе* забрали. Мы обманули ваших людей, вбив им в голову, что знаем, где планета Гаити. Но привезли их к себе.

– Понятно, – ну а что я ещё могла сказать? Действительно, всё понятно. И говорить тут больше не о чем.

– Ты сейчас ей ещё что-нибудь расскажешь, и она нас прямо тут убивать начнёт, – сказала Лота, причём я не поняла, то ли она шутит, то ли всерьёз.

– Не начну, – отвечаю. – Убивать – это не ко мне.

– Пусть знает, – отрезала Кай. – По крайней мере, это честно.

– Да, – говорю, – честно.

– И на том спасибо. Тебе станет легче, если узнаешь, что они умерли счастливыми?

– Да я как бы уже догадалась.

И опять стало тихо, как будто никто не знал, что и как сказать. И как-то так получилось, что именно я должна что-то сделать, решить или ещё что. Но мне ничего в голову не приходило, и я себя из-за этого виноватой чувствовала, чем дальше, тем больше. Уж не знаю, что бы я сделала в итоге,

но тут Зар говорит, с улыбкой такой:

– Вот с таким контингентом мы и работаем. Инге, ты на девчонок не дуйся. Они у себя на планете под приговором ходят. Как и Рой.

Как будто это что-то для меня изменить должно! Да и вообще, смешно, на самом деле! Что значит – «не дуйся»? За такое или действительно надо убивать, или не делать ничего. И понятно, что убивать я их не буду. И тут Эка опять спросила:

– А что у тебя за татухи? Потрясные, но я никогда такого не видела. Это тоже с вашей планеты?

Ну да, комбез-то я сняла, так что рукава видны были. Да и рассказывать про веве³ и узоры, которые у меня на руках набиты, куда проще, чем с амазонками непонятно о чём говорить. Я, правда, в детали вдаваться не стала, так, объяснила, что это, мол, знаки моей веры. А розы, ящерицы и ключи – символы моих духов-покровителей. Причём – вот это приятно было – народ серьёзно меня выслушал, а Эка даже спросила, могу ли я потом поподробнее рассказать. А я уж думала, опять в дикие-тёмные запишут.

А потом Игрок говорит:

– Ну что? На Теллур в компании летим? Тогда я техникам скажу, чтобы твой кораблик закрепили.

– Если Тим не против... То почему бы и нет?

³ Ве́ве – религиозный символ вуду, графичные картинки, восходящие к идеографической письменности.

Тим только плечами пожал:

– В компании так в компании.

– Кай, покажешь гостям каюту? – Игрок к амазонке повернулся, и я вдруг поняла, что у них отношения. Близкие. У Игрока с Кай, а у Лоты – с Заром. Странно. Я почему-то думала, что амазонки вообще никаких симпатий ни к кому испытывать не могут. А тут – я прям почувствовала – всё взаимно. Не то чтобы какая-то сильная страсть ощущалась, но тепло между ними было. Но это значит что? На ключников и волков этот ихний... вампиризм не действует, что ли? Или действует, но слабее? Или амазонки всё-таки эти свои способности контролировать умеют? Интересно... Хотя какое мне дело, по большому-то счёту?

– Расположитесь и милости просим обратно. Или сразу в кают-компанию. На разгон мы не раньше чем часа через четыре пойдём, нам несомых в порядок привести, трофеи и вас закрепить. Так что время отдохнуть есть.

Да, «Джокер», конечно, не «Стремительный», но тяжёлый рейдер – кораблик немаленький. Мы на уровень ниже спустились, на жилую палубу, Кай нам каюту показала. Тим внутрь прошёл сразу – вообще видно было, что ему в компании амазонок неуютно, хотя он нет-нет, а поглядывал на них, характерно так, оценивающе. А Кай меня за руку тронула:

– Моя каюта номер три. Если хочешь поговорить, заходи, когда твой парень пар скинет.

Я только собралась спросить, с чего она решила, что я вообще с ней поговорить хочу, а Кай уже в коридор шагнула и диафрагма за ней закрылась. Тим только этого и ждал: меня сграбастал и на койку уронил.

– Что там Игрок сказал? Четыре часа до разгона?

– А мы уложимся?

– Постараемся...

– Кто эти ребята – наёмники? Или кто? – это я потом уже спросила. Когда мы отдышались и помолчали, и я даже встала и пакеты с апельсиновым соком достала. Каюта реально была гостевая, с типовым оснащением, так что пайки оказались на месте, искать не пришлось.

– Ага, – кивнул Тим. – Благородные доны. Из Братства. Наёмники. Но благородные наёмники.

– Крутые ребята.

– Да, крутые. Но и мы не пальцем деланные. Вдвоём штурмовик взяли.

– Его *ты* взял.

– Не... Мы. Ты капитан, я канонир и абордажник.

– Мы?.. Ладно, мы. Так круче звучит, – и тут я наконец-то поняла, что мне во всей этой истории не нравится.

– Слушай, а это вообще нормально?

– Что именно?

– Ну вот... Они же нас не знают, а взяли на борт и всё такое...

Тим помолчал, потом по голове меня потрепал, притянул и в макушку чмокнул.

– Понятно. Но тут всё просто: Игорь с Марса, он меня знает. Это раз. Мы дрались вместе, это два. То есть они нам поэтому поверили. А мы им... Вот ты им почему поверила?

– Не знаю... Потому что ты им поверил, во!

– Во-от. А я им поверил, потому что знаю про Игрока. А ещё – раз у него в команде Дракон, то верить этому человеку можно. Понимаешь... Я, как ни крути, тоже резервист Марса. Если Игрок взял в команду марсианина, он по сути подписался под тем, что окажет помощь любому резервисту, если это потребуется. И уж точно только псих станет в такой ситуации кидать резервиста Марса.

– А Игрок... Он тоже к Марсу какое-то отношение имеет?

– Ну как сказать... Насколько я знаю, он у нас, на Марсе, учился на коммерческой основе. А я кандидат в граждане Марса. Это пожизненно, как и гражданство, если официально не лишили. Ну, или пока гражданство полноценно не получил. Кроме того, Игрок – один из организаторов Братства, и репутация у него... Короче, не переживай. Нормальные тут ребята.

Я чуть не возмутилась поначалу: почему он мне раньше про это не говорил – ну, про то, что он почти гражданин Марса?! Это же важно! А потом подумала: а какая разница? Это же его к Марсу не привязывает на всю жизнь, кандидат – это не полноценный гражданин, вот когда на Марс полетим,

тогда всё и узнаю. И совсем другое спросила:

– Игрок Братство организовал? Я думала, они давно существуют. Наёмники, в смысле.

– Раньше они каждый сам за себя были, не организованные. А теперь это как... профсоюз.

– Профсоюз? У нас на планете был типа профсоюз. Отстой!

– Ну, профсоюз профсоюзу рознь. Братство реально своим помогает. Даёт работу, заказы ищет, пособие семьям погибших, опять-таки, медпомощь организует, скидки в ремзонах... Конечно, народ взносы туда платит, но тут тоже всё решают по взаимным интересам. Если нужен серьёзный ремонт, могут взносы приостановить, например. Кстати, нам денег ещё и от лайнера перепадёт.

– В смысле?

– А, это ещё со старых времён пошло: если кто пришёл на помощь, то экипаж и пассажиры терпели скидкиваются, кто сколько может. Отказываться от этих денег не принято. Сейчас Ллойд – общество страховое так называется – под это дело даже специальные счета выделяет: это по любому проще, чем платить страховки пострадавшим. Короче, погоди, нас Игрок ещё к себе заманивать будет. Ему выгодно, чтобы как можно больше народу в Братстве было... Ладно, ты там поговорить хотела. Иди, а я посплю, что ли.

– Всё-то ты про меня знаешь...

– Заметил, как шептались.

– Потом расскажу. Если будет что рассказывать...

– Хорошо.

Я Тима в щёку чмокнула, в порядок себя привела, оделась и пошла. Хотя совершенно не понимала, зачем я туда, к Кай, иду и о чём вообще буду с ней разговаривать. Всё, что можно, мы друг другу уже сказали, и обсуждать тут больше нечего. Что, я буду её расспрашивать, как они наших мужчин увозили? Вот уж чего я и знать не хочу! Но что-то как толкало: надо. Нам надо поговорить.

Кай сидела за столиком, а перед ней стоял контейнер из матового пластика. Одна стенка у него открыта была, амазонка там, внутри, руку держала и вроде как разговаривала с чем-то... нет, кем-то. Ну, в смысле, я почувствовала, что там живой кто-то. Внутри.

Увидев меня, Кай закрыла контейнер, отставила, улыбнулась, довольная такая, и выдала:

– Заходи... внучка. Вернее, внучатая племянница.

– Что?!

Яна Ланге-Орлова

Яна провела щёткой по волосам и придирчиво изучила результат, вместо зеркала глядя в экран внешнего обзора. Сейчас он был выключен – снаружи ревела и клубилась буря. Вторая за последние десять дней. Что-то они зачистили... – Яночка, ты прекрасно выглядишь, не страдай, – Адлер заметил что-то в окружающем мире, бывает же такое! Яна, недовольно сморщив нос, оттянула плохо лежащую прядь. Может, он и прав, и Валерке вроде понравилось, но... Яна гордилась своей нетипичной для марсиан внешностью: невысокая, пухленькая, темноволосая и светлокожая – её даже местный загар брал плохо! Это смотрелось красиво и экзотично: вопреки всем моделям развития человеческого генома у жителей Марса преобладали светлые волосы и глаза. Но эта новая стрижка... С ней точно нужно что-то делать.

– Мне не нравится, – Яна оторвалась от экрана и повернулась к Адлеру. – Хоть налысо брейся!

– Не надо, – Лер очень серьёзно покачал головой. – Судя по тому, что Павел уже двадцать восемь минут сидит у Крыса, задача нас ждёт нетривиальная. И твоя внешность может потребоваться для дела.

– Вот зануда!

Яна упала в кресло, пошуршала фантиками в коробке на столе. Адлер, не поднимая глаз от планшета – он читал но-

вости, параллельно делая какие-то пометки, – сообщил:

– Ты всё съела. А я, между прочим, попробовал только одну. И я вообще не понимаю, товарищи, как вы с Пашей можете столько жрать. Ты хотя бы только сладкое ешь без остатков, а он, по-моему, готов проглотить даже сырого ёжика. Вы у медиков давно были? С вами точно всё в порядке?

Вот стопроцентный зануда. Образцово-показательный. И как они с Пашкой его до сих пор не поубивали?

– У нас метаболизм активный. И я ем не сладости вообще, а только шоколад. А он полезный.

– Не в таких количествах, Яночка.

Яна пожала плечами, посидела спокойно несколько минут и снова вскочила:

– Ну что он так долго?

– Я же сказал: нас ждёт какая-то нетривиальная задача. Это единственное объяснение, – Лер явно собирался продолжать нудёж, но замолчал. Яна тоже почувствовала, что командир уже за дверью – и с плохими новостями.

Паша был прямо-таки образцовым марсианином: высокий, широкоплечий, с красноватым загаром и стриженными ёжиком светло-русыми волосами. Именно такими любят изображать марсианский спецназ в кино. Только сейчас идеальный киногорой весь был какой-то злой и поникший одновременно. Яна, уже готовая сбросить тревогу очередной подначкой, прикусила язык. Похоже, командир принёс очень плохие новости.

– Карл и его группа погибли, – с порога сообщил Паша. Яна не сразу поняла, о чём он.

– Насколько я знаю, – голос Адлера был абсолютно спокоен, – они уже завершали поиск и возвращались. Авария?

– погоди, Лер! Что значит – погибли? Как?!

Яна не была особо близка с Карлом и Михой, а Грету, пилота группы, откровенно недолюбливала – имелись причины личного свойства... Но они были Драконами, братьями и сестрой, и их гибель – потеря для всех. И стала ясна причина хандры и плохого настроения последних дней. Драконы чувствуют друг друга. Это не телепатия, скорее эмпатия, и зависит от расстояния. Если бы ребята погибли ближе к дому, Яна безошибочно поняла бы даже, что именно случилось: у неё чувствительность повышенная.

– Каком кверху! – Паша прошёл к столу, со злостью хлопнул по нему пачкой распечаток. – Ребята возвращались с Теллура. Шли домой. Причём вызвали Рой для встречи – похоже, нашли что-то важное. Но или сами поторопились, или наши опоздали... В общем, когда эскорт прибыл в зону randevу после первого прыжка, в живых там осталось только шакальё из вольных наёмников с Дантея. И обломки корабля ребят и их «драконов».

– Взять кого-то удалось?

– Нет. Там была бойня. Наши озверели, те сопротивлялись отчаянно. Когда сообразили, что нужны «языки», было слишком поздно.

Адлер кивнул, а Яна отстранённо подумала, какую головоломку Крыс устроил командиру Роя. Впрочем, мог и не устроить. Директор КБМ сам был Чёрным.

– Так что мы не идём в поиск. Мы летим на Теллур и выясняем, что случилось.

– Понятно, – буркнула Яна, а Лер невозмутимо поинтересовался:

– Что у нас есть?

– Почти ничего. Кроме того, что они, похоже, напали на след. И есть у меня подозрение, что именно из-за этого погибли.

– Но... Почему? – Яна озадаченно нахмурилась. Даже невозмутимый Адлер казался удивлённым. – Какая связь?

– Вот на этот вопрос нам и надо ответить. Кто убил ребят и почему? Действительно ли они нашли след Гомаро или случайно обнаружили что-то другое? Такое, ради чего наёмники рискнули перехватить их в подконтрольном ТС секторе?

Яна прикусила губу. «Память» была создана для того, чтобы хранить Память – о предках, о Сумерках, о Первых – тех, что осваивал Марс и первым дал бой мантисам. Официально, как отдела Комитета Безопасности, «Памяти» не существовало, но они были и работали. Столетиями искали и систематизировали информацию. О Первых, о мантисах, о военных угрозах Солнечной... Но до сих пор на левом Крыле Памяти в Олимпе записано семьсот шестнадцать имён. А должно быть – семьсот семнадцать. Судьба Марка Гомаро,

Последнего Первого, одного из двоих, начавших Зарю, неизвестна. А тогда, после победы, Марс поклялся, что найдёт и вернёт домой всех. Или точно узнает, что возвращать некого. Что не осталось ничего. Ни горсти праха, ни обгорелого фрагмента скафандра. Но даже тогда остаётся Память...

Любой чужак, узнав, что почти полтысячи лет марсиане по крохам собирали данные по всем погибшим и до сих пор не прекратили поиски, крутил пальцем у виска. Яна слышала, что вроде даже на Марсе иногда раздаются голоса, что «Памяти» пора остановиться. К счастью, редкие. Если бы кто сказал такое при Яне, она без разговоров морду набила бы такому умнику. Мы живы, пока помним. К тому же... К тому же поисковики «Памяти» зачастую находили очень интересные и полезные вещи. Марс считался лидером по изучению артефактов Странников – или Древних, или Предтеч, их по-разному называли. Высокоразвитой цивилизации, исчезнувшей тысячи, если не миллион лет назад. Чаще всего такие находки привозили домой именно ребята из «Памяти».

Яна нахмурилась. Она была Ланге-Орловой, а в этом роду у всех развита интуиция. Её знаменитая пра-пра... много раз «пра» бабушка была не только пилотом, приведшим первую экспедицию на Марс. Она была первым официально зарегистрированным псиоником. И то, что сейчас, размышляя о Гомаро, Яна перескочила на мысли о Странниках, не было случайностью. Она уже открыла рот, чтобы озвучить

догадку, но передумала. Адлер немедленно начнёт комментировать на тему ненаучности такого «мистического» подхода, а момент, чтобы ругаться, неподходящий. Вместо этого Яна встала, и вместе с ней поднялись ребята.

– Карл Шлоссер, Грета Тимофеева, Михаил Волошин.

– Они живы, пока мы помним.

– Мы живы, пока помнят о нас.

Они постояли молча. Паша решительно сел, хлопнув ладонями по коленям.

– Всё. К делу.

– Что у нас есть? – повторил свой неизменный вопрос Адлер. – Ты сказал, что почти ничего, но этого не может быть. Если известно, что они напали на след...

– Да, кое-что есть. Для начала, перед отлётом с Теллура они что-то купили. Карл экстренно запросил из резервного фонда почти полтора миллиона. Мотивация запроса – «выполнение миссии поиска».

– Ого! Это что же такое может быть? Очередной артефакт Странников? Корабль?

– Яночка, не перебивай. Вечно ты торопишься. Паш, давай дальше.

– Отвечая на твой вопрос, Ян. Судя по всему, речь идёт именно о корабле. Во-первых, они арендовали бокс vip-хранения в коммерческом секторе Виль-де-Ноэль-Астра. Во-вторых – у нас есть данные о том, над чем работал Карл во время прыжка.

Яна прикусила язык, чтобы не выпалить: «Над чем?» Паша, когда формулировал вводные, становился таким же неторопливым, как Адлер. Правда, к сожалению, не таким обстоятельным. Всё равно потом придётся переспрашивать и уточнять. Так что пусть пока говорит.

– Он извлекал данные из кибермозга штурмовика амазонки.

Паша сделал эффектную паузу, и Яна не смогла ею не воспользоваться:

– В смысле? Ты хочешь сказать, что они купили корабль у какой-то амазонки?

Адлер укоризненно посмотрел на неё. Паша покачал головой:

– Этого мы не знаем. У нас нет самого кибермозга, у нас нет отчёта ребят. Есть только записи речевого регистратора из кабины. Вот, слушайте, – Паша вытянул из-под стола панель, пошарился по карманам, достал кристалл с записью и вставил в разъём. – Это фрагмент разговора, имеющий непосредственное отношение к делу. Остальное неинтересно.

Зазвучавшие в кубрике голоса заставили Яну вздрогнуть. Только сейчас она до конца осознала, что слышит тех, кого уже нет. Весёлые, азартные голоса – они нашли что-то интересное и спешили домой поделиться находкой... А ведь Крысу и остальным пришлось слушать всё до конца. Разбирать по секундам действия каждого. Переговоры в бою ведутся по нейросети, и что могла услышать следственная

группа? Предсмертные крики ребят? Или – пугающую тишину?.. Яна заставила себя сосредоточиться на записи.

«– Там что-то есть?

– Да. И чудная, я тебе скажу, картина получается. У них же в случае гибели пилота автоматом врубается система уничтожения навигационных сеток.

– Знаю. Погоди... Ты хочешь сказать, что у нас есть данные по их планете?!

– Нет. Система сработала, ядро базы данных она выжгла в ноль, как положено, а вот периферия...

– Не томи!

– Ну, слушай. Экипаж два человека. Но если по капитану всё понятно, то вот второй пилот... Ну, во-первых, это мужчина.

– Уже странно. Мужики у них на правах домашних животных вроде. А во-вторых?

– А во-вторых, никаких данных по нему нет. И это не самоуничтожение. Всё вычищено ручками, так, чтобы не восстановить. Страшно представить, сколько времени на это ушло... Я и пол-то его установил по косвенным данным. И информация по нескольким прыжкам зачищена. Зачем она это сделала, не знаю. Такое ощущение, что она что-то от своих прятала.

– С чего ты так решил?

– А от кого ещё? И смотри, как интересно. Судя по размерам лакун, было минимум пять-шесть прыжков. Может, даже больше. Скорее всего. А между ними –

один перелёт с полной информацией.

– Не понял.

– Смотри. Они куда-то летали. Данных нет. Потом – прыжок с сохранившимися координатами. И, похоже, это был совместный полёт нескольких кораблей, судя по логам синхронизации с другими киберами. И тут она была одна. В смысле – без второго пилота. Причём моталась туда- сюда. А потом – опять всё потёрто.

– Давай гляну, куда её носило, заняться пока всё равно нечем... Есть. Нова17К. Оранжевая звезда, масса 0.8, так что ещё немного, и станет красным гигантом, но нам столько не прожить. Планетная система из двух планет, находится в зоне проекта «Терра». Одна из планет условно пригодна для жизни. Похоже, это цель».

– Всё, – Паша остановил запись.

– Сделай копию, – попросил Лер. – Я потом ещё раз послушаю.

– Пока ничего не понятно, – Яна встряхнулась, пожала плечами. – Кроме того, что они действительно что-то нашли. И я так понимаю, мы сейчас на Теллур?..

Инге Сонел

Я как услышала это «внучка», так у меня аж в ушах зазвенело и пол из под ног ушёл, словно без предупреждения ускорение сбросили. Как я за переборку не схватилась, чтобы не упасть, ума не приложу. А Кай улыбается, на кресло показывает. Заходи, мол, не стесняйся. Я как во сне ногами перебирала, села, на неё смотрю и не понимаю: она тут без вуали сидит, но почему-то совсем не кажется такой красивой, как там, в рубке была. Или я тогда Тимовские чувства поймала, или ещё что, но не было в ней ничего особо притягательного. Тётка как тётка, да, красивая, очень, но и всё. Или мне просто не до того было. А Кай и говорит:

– Во время той самой экспедиции, когда мы увезли с колонии ваших мужчин, одна из нас родила на планете девочку. Твою маму.

– Вы уверены?

– Да. Мы обе – и я, и Лота – почувствовали в тебе родную силу. И всё совпадает: и по времени, и по самому факту. Рождение амазонкой дочери вне Дома – событие из ряда вон выходящее. Другие случаи мне неизвестны.

– Тим!!! – я чуть не вскочила, но Кай сходу всё поняла и улыбнулась:

– Не бойся. Твоему мужчине ничего не грозит. Он достаточно силён, а ты – недостаточно амазонка. Если ты по соб-

ственной воле, осознанно, не начнёшь тянуть с него силу, то будешь поглощать только то, что он сам даёт. А это не опасно, даже полезно. Для вас обоих.

– Недостаточно амазонка? Потому что – внучка?

– Нет. Ты, как и твоя мама – неинициированная амазонка.

– Не понимаю. Что это значит?

– И я не понимаю, – Кай замолчала, глядя куда-то мимо меня. И вот странно: ей же лет двадцать пять, ну, тридцать на вид, а тут вдруг на миг она мне показалась... нет, не старой. Древней. Аж страшно стало... Хотя мне и так страшно было.

Потому что получалось, что я и вправду амазонка. Пусть какая-то неправильная, неполноценная, но амазонка. Сексуальный вампир. Но я за собой ничего такого никогда не замечала! Ну да, и стоило мне об этом подумать, как Маша вспомнилась и вопросы эти её: как я на мужчин смотрю, да как мужчины на меня, и всё такое. Она уже тогда во мне амазонку подозревала! И Матвеев об этом говорил... Нет, госпожа Эрзули, пожалуйста, не надо! Не хочу я об этом знать, и думать не хочу, и слушать! А хочу вскочить и убежать. Но никуда я не убежала, а просто спросила:

– Так чего ты не понимаешь?

– Ты разбираешься в генетике?

Я головой покачала:

– Нам в школе что-то рассказывали, но я забыла уже. За ненадобностью.

– Понятно, – Кай хмыкнула. – Что такое партеногенез,

знаешь?

– Ну, вроде... Слышала что-то.

– Ясно, – амазонка задумалась. – Нам, чтобы размножаться, по большому счёту не нужны мужчины. Любая из нас может родить дочь сама по себе. И это будет полноценная амазонка. Но свежая кровь нам тоже необходима, поэтому мы часто рожаем от мужчин. Если у девочки есть отец – как в случае с твоей мамой, судя по всему – то такой ребёнок может иметь способности амазонки как в доминанте, так и в рецессиве.

– Чё? Не, доминанта понятно, а вот рецессива...

– Рецессив, – поправила Кая. – Забудь, это детали. Главное, что с нашей точки зрения такой ребёнок не будет настоящей амазонкой. Дело не в дискриминации, дело в способностях, которые должна иметь полноценная амазонка. Поэтому с «отцовскими» девочками в первые часы после рождения проводят... определённые процедуры. Нейрофизиологические, псионические. Они делают младенца полноценной амазонкой, и в дальнейшем уже никакой разницы: был отец, не было... Но провести их можно только Дома, на нашей планете. И я не могу понять... – Кай опять надолго замолчала. – Мы способны управлять любыми гормональными процессами в наших телах. Можем замедлить или ускорить развитие беременности. И то, что Майя родила от мужчины в экспедиции, когда с девочкой заведомо не могли проделать нужные манипуляции – результат или потрясающей беспеч-

ности... но я в это не верю... Или умысла. Но зачем?

– А узнать у неё?..

Я сначала спросила, а потом поняла: а ведь это значит, что где-то есть моя бабушка! Что от моей семьи что-то осталось. У нас-то дома семья – это важно, там бабушки-дедушки, много детишек... Правда, детская смертность высокая, до десяти лет половина доживает, может, чуть больше... В общем, семья вроде моей, когда только родители и один ребёнок – это ненормально. Как я друзьям, у которых куча сестёр и братьев, завидовала! А у меня ни бабушки не было, ни дедушки. Вернее, были, с отцовской стороны, но они с нами не общались. Я так и не узнала, почему.

Да, вот только нужна ли этой Майе такая внучка?

– Она не рассказывала. Ни о том, зачем она это сделала, ни о своём мужчине... твоём деде. А теперь уже не спросить: после рейда на вашу колонию Майя улетела куда-то и не вернулась. А до этого ещё одна из наших пропала. Они с твоей бабушкой, похоже, искали что-то... И нашли на свою голову, – Кай помолчала, вспоминая, вздохнула. – Майя была отличной сестрой. И одним из лучших пилотов клана. Если хочешь, поговори с Лотой – они с Майей дружили.

– Понятно... Зато теперь я, кажется, понимаю, почему отец не любил, даже ненавидел, маму.

Кай кивнула:

– Скорее всего, она не смогла ни подчинить себе мужчину, ни обуздать своё либидо. И... По поводу твоего Тима. Кое-

какие побочные эффекты всё-таки будут. – Какие это?

– Если уйдёшь, ему будет непросто. Ты всё же хоть и слабый, но наркотик. Но Тим сильный и рано или поздно справится, это пройдёт у него... Правда, одной обычной женщины ему после тебя будет мало.

– А он что, получается, уйти по собственной воле не сможет? Ужас какой...

– Сам он уйти сможет. Только... не захочет. Но есть и плюсы. Ему хорошо с тобой.

– А мне с ним. Сложно всё.

– Да нет.

– Да-а... Это всё надо как-то переварить...

– Перевари. Хочешь эксперимент?

– Ну... да.

– Раздевайся.

– Что?

Кай вместо ответа ту самую коробку пластиковую взяла. Сунула туда руку, вытаскивает – а на ладони у неё два вроде как два паука сидят. Только они не очень-то походили на тех, которых я в гало видела. Может, это и не пауки были вовсе. Длинных лапок – и тоненьких, с волосок буквально, и толстых – у них точно больше восьми штук было, а тушки – кругленькие, с половину моего кулака. Смешно. Но и жутковато. Кай их мне на плечо посадила. Сначала не по себе стало, а потом интересно: сидят, лапками-усиками шевелят, забавные такие...

Кай говорит:

– Не бойся. А то укусят. Представь, что ты одета в какую-нибудь лёгкую одежду. Комбинезон, платье. Глаза закрой. Любые цвета, узоры...

Ну, это легко – особенно после того, как я с Кирой общалась. Фасон, в смысле. А цвет... Я помню, как мы с Тимом с крыши Пик-центра на закат смотрели, вот и представила, как золотой, алый и фиолетовый по ткани перетекают, меняются. Паучки – я вспомнила, они кархи называются, – зашевелились, начали по мне ползать. Сначала как-то неуверенно, а потом забегали, засуетились. То быстро носятся, то медленно, степенно так, задумчиво даже. А я словно в транс погружалась, или, скорее, в негу. Как будто на солнце греюсь в полудрёме. Я только на Тиране поняла, как это здорово – на солнышке греться и ничего не делать... Вроде расслабилась, но и будоражит что-то, характерно так. Ох, чувствую, не выспится Тим, даже если начало разгона ещё на пару часов отложат! А потом Кай кархов сняла, меня за плечи развернула, говорит – «Открой глаза».

Оказывается, она меня перед зеркалом поставила. Я смотрю – а на мне платье ну точно как я представляла. Когда меня Кира в последний раз по магазинам таскала, она мне такое показала. От какого-то крутого дизайнера, Кира мне как сказала, сколько оно стоит, так я сначала не поверила... А сейчас на мне платье даже красивее было.

– Подарю тебе пару, когда вылупятся, – Кай паучков в ко-

робку посадила. – А теперь тебе, похоже, пора. Конечно, если не хочешь остаться у меня, – она подмигнула и опять стала такой, как тогда, в рубке. Красивой до ужаса, манящей до дрожи по хребту. У меня аж живот свело. Кожа нежная, волосы как шёлк, и от одной мысли, как они пахнуть должны, голова кружиться начинает. Чувствую, ещё секунда, другая – и не удержусь. Ну, да у меня ответ простой: воззвать к Эрзули и Тима вспомнить. И стоило подумать, как он там, в каюте, спит, подушку вместо меня обнимает, так наваждение это дурацкое схлынуло. Я глаза на Кай подняла, улыбнулась и спрашиваю:

– Значит, ткани амазонок, про которые мне Кира... по-друга уши прожужжала, это... Вот это?

– Да. Ну что, остаёшься? – она вроде как удивилась и снова попыталась измениться... в смысле, моё восприятие изменить. Ведь она не свою внешность переделывает, а меня заставляет её по-другому увидеть! Но я уже сообразила, что и как, а после той истории на Тиране какую-то амазонку заблокировать... Ну это даже не смешно!

– Нет, я лучше пойду.

– Вот и ещё одно доказательство. Последнее. Я попыталась тебя очаровать. Сначала аккуратно, потом – в полную силу. Обычная женщина не устояла бы. Не сердись. Всё это слишком странно, и нам обеим надо было убедиться.

Ну да, вот я убедилась. И что мне с этим теперь делать?

Честно говоря, сначала я паниковала. А потом подумала: а чего такого? Если Кай верить, я амазонка неполноценная. Голода, вроде такого, о котором Влад – Кирин жених, вампир и мой хороший друг – рассказывал, я за собой не замечала... Ну да, секс я люблю, но чего тут такого? Как мне его не любить, если моя Госпожа, Эрзули-Ошун, лоа любви и жизни? Вот то-то и оно. Человек я, и паниковать нечего. А то, что во мне от амазонки, я буду для служения своей Госпоже использовать.

Плохо ли, что я Тима к себе привязала? Приворожила, выбора не оставила? Ну, может и так, вот только я это неумышленно сделала. К тому же... Я ведь тоже к нему привязана. И тут голову ломать нет смысла, потому что и так всё понятно: это лоа решили, а не я или он. Мы друг для друга предназначены, и нельзя это трогать. Легба открыл нужную страницу в навигационном справочнике, а госпожа Эрзули свела нас в один час в одном месте. И точка. А там – будь что будет. Тим от меня не уйдёт, но и я его не оставляю. Так что тут всё по-честному.

Я, правда, долго не могла решить, говорить ему, что я вроде как амазонка, или нет? Вдруг он испугается, не захочет больше со мной дела иметь... Вдруг бросит меня? Мало ли что Кай сказала, что он уйти не сможет, это же Тим, он сильный, вдруг сумеет? И что я тогда делать буду?

А с другой стороны, не сказать – считай, соврать. Да и вообще, пока мы на «Джокере», эта информация до него через

кого другого дойти может. Так что пусть лучше он от меня всё узнает. Так только честно будет.

Но поговорили мы с ним только после того, как «Джокер» в прыжок ушёл. Потому что я действительно Тима разбудила, когда в нашу каюту вернулась. Хорошо, до начала разгона успели, а то неловко было бы...

Я долго слова подбирала, думала, как начать, а потом брякнула:

– Помнишь, ты спрашивал, нет ли у меня в роду амазонок? Оказывается, есть.

– И что?

– И... И вот. Просто я решила, что ты должен знать. Вот, – я растерялась, если честно. Уж не знаю, какой реакции от Тима я ждала, но точно не такой.

– Ну, теперь знаю, – сидит и улыбается, зараза!

– И тебя это... не беспокоит?

– Э... А ты крадёшь мужиков, чтобы затрахать их до смерти?

– Н-нет...

Тим смотрит с прищуром подозрительным таким, а я вижу, что он еле-еле смех сдерживает.

– Да ну тебя! – я подушку сдёрнула, в него кинула, но сила тяжести меньше нормы была, так что я не попала, конечно. Да я и так в него не попала бы: Тим, конечно, большой, но ловкий. И реакция – ого-го!

– И чего меня это тогда должно беспокоить?

– Ну... вдруг?

– А... Ну, после того, как вы с Кирой погуляли на балу, в том, что ты амазонка, тебя никак не заподозрить.

– Почему? Или ты... дразнишься?

– Ты бы тогда точно там осталась.

– Не-е... – отвечаю, и чувствую, как улыбка сама по себе на лице рисуется. – Что я там забыла, если там тебя не было?

– Вот я и говорю, амазонка из тебя не очень.

И больше мы к этому вопросу не возвращались.

Тим Найдёнов

Ну, всё, есть надежда, что наши приключения на время закончены. Наши – в смысле наши общие, мои и Инге. Мои-то личные приключения только начинаются: надо решить пару вопросов по работе для мистера Харта. Конечно, в теории можно забить и заниматься ИБД – имитацией бурной деятельности, но... Во-первых, мистер Харт не из тех людей, которые на это ведутся. А во-вторых, я и правда его уважаю. Уважаю и благодарен: за то, что принял меня, и за то, что отпустил. Работай я на покойных Ли или Псы, или мистера Тэна, с планеты пришлось бы уходить с боем. Да-да, несмотря на ордена и награды, несмотря на поддержку МУКБОПа и мистера Шотта. А мистер Харт всё обставил, как положено джентльмену. С одной стороны, отпустил с пенсией и выходным пособием, а с другой – и поручение дал. Но главное тут другое. Теперь все на Тиране знают, что мистер Харт не просто правильный пацан, а человек слова. Работает честно на него, и он тебя обеспечит, и на покой ты уйдёшь не в ближайший коллектор, а чин по чину, в пассажирском лайнере или вообще на своём корабле. Понятно, что мистер Харт делает это ради своей репутации, но и наши с ним отношения во многом повлияли на его решение. По крайней мере, я на это надеюсь.

Во время посадки мы с Инге оставались в своей каюте,

но у Игрока переговоры с космодромом транслируются по внутренней связи, да и обзорные экраны никто не отменял. Так что я даже смог показать Инге, пусть и издалека, орбитальный комплекс Музея колонизации. Остатки той самой базы «Юпитер». Конечно, Инге сразу спросила, можно ли туда слетать. Это хорошо, раз ей интересно. Значит, пока я занимаюсь делами мистера Харта, она скучать не будет. Хотя у неё тоже дела найдутся: экзамены сдать, корабль модернизировать. Как бы Инге не оказалась больше меня занята в итоге...

– Теллур-один, вызываю «Джокер».

– «Джокер» на связи. Привет, Дич.

– «Джокер», ты с трофеями?

– И пассажирами.

– Тогда посадка на Тэ-Два. Переключаю.

Инге, наострив ушки, прислушивается к переговорам. Учится, запоминает. А я её мордашкой люблюсь.

– Теллур-два, вызываю «Джокер».

– На связи, Тэ-Два.

– Луч посадки 16Б2. Канал устойчивый. Мягкой посадки и приготовьтесь к таможенному контролю.

– Принял, Тэ-Два. У меня два пассажира с транспортом и трофеи.

– Надеюсь, ничего запрещённого?

– Обижаешь!

– А почему нас в другой порт отправили? – повернулась

ко мне Инге.

– Теллур-Один – это только для пассажирского транспорта и кораблей Теллура. Тэ-Два – коммерческие посадочные зоны, там тебе и таможня, и ангары хранения, и расходники в рейсы, и топливо для планетарных двигателей и для несо-
мых. Ну, а заодно и представители частных оружейных кон-
тор, у которых торпедами и ракетами закупиться можно.

– Они далеко друг от друга?

– Нет, космопорт один, просто с одной стороны пассажир-
ский космодром, с другой коммерческий. Так что нас там
выгрузят, досмотрят, поставят в ангар, а потом мы пойдём в
космопорт. Ну, или поедем, хотя обычно тут бывалые пило-
ты ходят. Традиция, да и ноги размять.

Миграционный и таможенный контроль – штука долгая.
Я даже немного успел заскучать, пока «Аладу» досмотрели,
выгрузили и в док поставили. А вот Инге опять вертела го-
ловой, пытаюсь увидеть и запомнить всё и сразу. Думаю, ес-
ли бы не серьёзная роль капитана, она вопросами засыпала
бы всех, кто под руку подвернётся.

С документами на корабль всё было в порядке, а вот с лич-
ными возникли проблемы. Не у меня, у Инге. У меня-то всё
тип-топ, в базе Теллура я есть, поэтому дал карту с комм,
её отметили и выдали браслет. А вот с Инге было сложнее
и дольше, она же у нас личность та ещё. Прилетела непонят-
но откуда, купила – чего уж там! – гражданство Тираны, и
теперь хочет получить допуск Теллура. Вопросы, вопросы,

вопросы... Короче, мне это надоело.

– Слышь, камрад, а виза на Терру тебя устроит, как доказательство благонадёжности?

– Открытая?

– Да счаз, только в сопровождении полицейского или представителя МУКБОП. Зато постоянная.

– Ну, так бы сразу и сказали, – офицер миграционного контроля широко улыбнулся. – Раз есть Террянская особая, то... Минутку, я проверю, – он в очередной раз полез в свою базу и кивнул. – Нет проблем. Вот, возьмите. Первый месяц пребывания снимать нельзя, – он протянул Инге браслет-идентификатор и только после того, как она защёлкнула его на руке, ещё раз улыбнулся: – Добро пожаловать на Теллур.

Мы вышли на поле и пошли по разметке для пешеходов. Всё-таки это классная фишка, чисто теллурианская – прогулка по космодрому пешком. Погода тут всегда хорошая, если не сезон бурь, а он даже не раз в теллурианский год бывает, а раз в пять-шесть лет. Как-то это с течениями в приполярных морях связано. Тут же погодного контроля в принципе нет.

Дело было к вечеру, местное солнце уже не слепило глаза, как в полдень, а над горизонтом – где его было видно между стартовыми столами – поднималось влажное марево, и оттуда тянуло ощутимой прохладой.

– Что там? – спросила Инге, проследив мой взгляд. – Мо-

ре?

– Лес.

– Ле-ес? Это когда много-много деревьев? И он *такой большой?* – глаза у неё стали совсем круглыми.

– Ага. И даже больше.

Вот точно надо будет её не только на море свозить, но и леса здешние показать. Но только с борта флаера – рисковать я не собираюсь.

– Даже больше? Это как?... А это что? Зачем?

На первом же перекрёстке разметка безопасности превратилась в квадраты со стороной чуть меньше метра, и в каждом квадрате были случайным образом написаны цифры от одного до ста. Я улыбнулся: совсем забыл про эту штуку.

– Ноги размять и к силе тяжести привыкнуть. А ещё... – в висок словно тоненькую иголку воткнули... – игра такая в детстве была...

Лучше не думать в этом направлении. Так что я просто прыгнул на одной ноге в первый квадрат, потом – во второй...

– А цифры?... А, поняла! Кто больше наберёт, да? – и Инге со смехом заскакала вокруг меня. Смотреть на неё было одно удовольствие.

Тут дело в чём? Точки входа и выхода в гипер лежат в межзвёздном пространстве, и дальше до места мы идём обычным ходом. Где три дня, а где все десять. И к моменту посадки неприятные эффекты перегрузок пропадают, за-

то возникает желание подвигаться. «Джокер» – это не круизный лайнер, и зала с тренажёрами там нет. Конечно, никто идти ножками не заставляет, но на Теллуре это уже в натуре традиция. Пусть ты еле ноги волочишь, но надо пешком идти. Конечно, в «классики»... о, название вспомнилось!.. играть не обязательно, но если силы и желание есть, то почему бы и нет? Тем более что при космодромной посадке перегрузки, считай, ни о чём, силовым лучом поймали и провели, как на перине. Да ещё на поверхности, пока таможенно-санитарный контроль придёт, сидишь и в себя приходишь. Так что попрыгать – святое дело!

– Стоп! На линии не наступать – штраф в десять очков.

– Да ну тебя! А вообще прико-ольно!

Ну и у кого больше шансов выиграть в эту игру – у пехотинца или у почти профессиональной танцовщицы? Так что ничего удивительного, что к последнему перекрёстку по очкам Инге меня намного обогнала.

– Как сказал бы Том Том, простая комбинаторная последовательность чисел. Ничего сложного, – она попыталась изобразить интонации Тома, поняла, что не получается, рассмеялась и чмокнула меня в щёку. – А классно придумали! Вот будет у нас свой дом, и мы... Хотя не, пусть это традиция такая будет, когда на Теллур прилетаем.

Очень мне это понравилось, прямо слов нет. Я прокрутил в голове: «Будет у нас свой дом!» Круто! Только вот где? Понравится ли Инге Марс? Нет, в принципе, я готов и тут,

Теллур – это хорошо, но Марс!..

– Ти-им!

О чём же я так глубоко задумался, что даже не понял, что мы уже пришли? Не помню.

По контрасту с практически пустым лётным полем шум и гам в здании космопорта показался оглушающим. Как же я от этого отвык-то! По сравнению с Теллуrom космопорт Тираны – что-то тихое и провинциальное. Сами посудите, рейсовый лайнер раз в две недели, в основном торговые корабли да всякие одиночки, а тут... Посмотреть на табло, так сегодня прибывает шесть рейсов. И это не частники или торговцы, где на борту десятков человек от силы. Это лайнеры, где только экипаж – полсотни народу минимум, а пассажиров иногда и под тысячу бывает, особенно в финале Боёв или во время Больших Игр. И, кстати, транзит на тот же Полигон идёт через Теллур. Так что в один здешний зал прилёта всё здание космопорта Тираны поместится. Ну, почти.

«Игорь. Третий ярус, выход 24А» – упало на комм сообщение. Ладно. Я поискал глазами указатели и взял Инге за руку: похоже, в здешней организованной сутолоке она растерялась. Ну да, если Тирана – самый большой город, который она видела, понять можно.

– Эй, народ! – Игорь махал нам рукой от припаркованного у полосы газона «спидрейнджера». Флаер был раскрашен красно-кирпичными и тёмно-серыми разводами – откровенный намёк на владельца. Мы побросали сумки в багажник, уселись, и Игорь рванул с места так, что нас в спинки сидений вдавило.

– Форсированный? – немедленно спросила Инге. Игорь

кивнул и очень серьёзно сказал:

– Я договорился, что сам вас проинструктирую, чтобы на контроле долго не торчать. Тим, тебя это не касается, а ты Инге, слушай.

– Ага, – она весело кивнула, но Игорь покачал головой.

– Я без шуток. Это вопрос жизни и смерти. В прямом смысле слова. Браслет у тебя с автозамком. Это чтобы ты об-выклась и чтобы сдуру не забыла его дома. Через месяц он сам разблокируется, ну или в порту при отлёте снимут.

– Принято. Дальше.

– На нем есть всё, что надо, даже дубликат твоей визы. Поселитесь в гостиницу, на нём, как и на комме, будет ключ от номера. В общем, пока ничего особенного. Главное – это экран. Почувствуешь вот такое, – и у меня, и у Инге, судя по тому, как она дёрнулась, под браслетом появилось пока-лывание, – значит, облако пиявок в опасной близости. Надо искать укрытие или уходить из квадрата. Местоположение облака будет отображено в виде координат и на карте. Если колоться перестало, и пошёл звуковой сигнал – срочно пры-гай под крышу и хватай дробовик. В городе пиявок нет, это касается загородных путешествий. И запомните оба: ника-кого геройства. Увидели облако, отметили на карте и свали-вайте. Оказались рядом, прячьтесь. Даже опытные рейндже-ры в одиночку предпочитают уходить, чем с пиявками свя-зываться.

– Такие опасные?

– Если соблюдать меры предосторожности, то нет. Опасны одиночки, их незаметно. Ну и большие стаи, если уж угодил под них. Многие считают это чушью, но... Рейнджеры верят, что когда стая очень большая, у них возникает что-то типа псевдоразума и они начинают действовать, как стая собак, а не тупые... кишечнополостные. И что-то в этой идее есть.

– Жесть. Прям Сангус какой-то, mierda!

– Да нет, ерунда. Шансов в стаю попасть – один из тысячи, – Игорь кивнул в окно. – Прошу обратить внимание: лагерь первых колонистов. Вернее, даже посёлок. Сейчас его кто-то выкупил, обустроил и превратил в экстрим парк.

Игорь сбросил ход, и Инге едва шеей себе не свернула, рассматривая стоящие посреди голой степи постройки. Нарочито грубые, собранные, такое ощущение, из всего, что под руку подвернётся. Такое же ограждение, примитивное и надёжное, пара наблюдательных вышек с поисковыми прожекторами, направленными в степь. На вышках кто-то стоял. Интересно. Надо будет сюда съездить, а то, когда я последний раз тут был, этого парка ещё не было. А судя по забитой парковке, место пользовалось популярностью.

– Тут проходят тренировки рейнджеров и вообще всех желающих. Там дальше местность понижается, появляются мелкие озёра, а пиявки очень любят воду. Собственно, они как комары на Terre. Только большие.

– И, наверное, поопаснее комаров будут... – протянула Инге. – Комаров я знаю, они мелкие. Но противные. И что

это вообще такое, пиявки эти ваши?

Игорь улыбнулся:

– Ну что, Тим, покажем девушке пиявок?

Он посмотрел на радар и свернул с трассы. Генераторы изменили режим, и по салону поплыл мерный, едва ощутимый гул.

– У меня усиленный ход, повышенная грузоподъёмность. Нравится мне, как генераторы урчат, когда газу даёшь по целине...

– А зачем мы?..

– Пиявки к трассе не подлетают. Даже их одноклеточных мозгов хватает, чтобы запомнить, что это очень вредно для здоровья. Во-первых, флаеры их просто воздушной волной раскидывают, а во-вторых, по всей трассе стоят автоматические станции слежения и ракетные установки. А вот тут у нас некоторые шансы пиявок найти имеются...

– Игорь, есть отметка.

– Отлично, Тим, – Игорь провёл флаер ещё с километр, посадил на землю – и, похоже, только тут Инге смогла оценить размеры того, что было перед нами. И застыла с круглыми глазами и открытым ртом.

– Лес... Лес!!!

Леса на Теллуре занимают огромные площади и начинаются внезапно. Степь, степь и потом – бац! – *это*. Теллурианский лес – это, я вам скажу, такое... Издали – почти сплошная зелёная стена. Подлетаешь ближе и думаешь, что

вот сейчас разглядишь, что к чему, но поначалу всё становится совсем непонятно, и только спустя какое-то время получается выловить что-то в этой мешанине всех возможных оттенков зелёного. Тут и плющ-мухоловка с красными цветами, тёмными листьями и нежными белёсыми усиками, и ярко-салатовые рви-штаны – по названию понятно, какие там колючки, и какие-то совершенно незнакомые мне пышные кусты с мелкими-мелкими листочками, тоненькие деревца вверх тянутся... И кое-где из этого зелёного буйства как скрюченные корявые пальцы, вцепившиеся в землю, выступают серебристо-коричневые не то ветки, не то искорёженные стволы.

– Это что? – Инге с опаской ткнула в них пальцем.

– Ногатик. Он же – *Echoquercus pedes*, – с умным видом объяснил Игорь.

– Чё?

– Экзодуб ногатый. Или ногастый. Шагающий, в общем. Это ветки, стволы у них... Самый большой из известных в комле диаметром с полсотню метров.

– В чём диаметром?

– В комле. Комель – это основание дерева. Самая толстая часть ствола.

– Пятьдесят метров?! – Инге хмурится, пытаюсь представить. Я-то «ходячие дубы» уже видел, но помню, какое впечатление они производят при первой встрече. А листья у них, говорят, один в один как у террянских дубов. Потому

так и назвали.

– Он и ветки соответствующие пытается отращивать. А они тяжёлые. И ложатся на деревья или на землю. Если на другое дерево, то обычно его ломают, но бывает, что прирастают к ним. А если на землю, то, понятно, пускают корни, снова растут вверх, опускаются на землю – и всё по новой. До дерева, от которого эти ветки отросли, уже больше десятка километров может быть. В глубине леса полноценного подлеска нет, ногатики сильно землю затеняют. Всё, что растёт, в основном на этих самых стволах и обитает: мхи, лишайники, грибы всякие, водоросли, даже другие деревья... И почти всё это в темноте светится. Ох, весной там красиво...

– Погоди. Водоросли – они же в воде?..

– Есть и сухопутные. Зато на каждой опушке и прогалинке – вот такое. Не продерёшься.

– О-ой... – Инге зачарованно смотрела на деревья. – То есть это – вот это вот – это ветки такие?

– Ну да. Очередные ветки опустились и попытаются пустить корни. Но тут у них не получится – конкурентов много... И ты лучше наверх смотри. Видишь облачко чуть зеленоватого оттенка?

– Что? Где?... А, да. Вижу.

– Это пиявки. Заметишь такое – координаты забиваешь в браслет, закрываешься во флаере и ждёшь. Или убегаешь. Тим, бери дробовик.

Я пошарил у сиденья. Ну да, всё, что надо, под рукой. И

не что-нибудь, а сделанный на Марсе «теллур». На Теллуре вообще-то и свои дробовики отменные, но ребята с Марса предпочитают родное оружие.

– Э... А как вы из флаера стрелять будете?

– Почему из флаера? Мы выйдем.

– С ума посходили! – похоже, Инге впечатлилась рассказами о пиявках и была готова запретить нас в салоне пожизненно.

– Сиди внутри и смотри.

Ох, лучше бы Игорь промолчал. Теперь моя ненаглядная забудёт на здравый смысл и полезет наружу.

– Щазз! Лосо! – ну, точно, отстегнула с крепления дробовик и нацелилась следом за нами. А с оружием обращаться не умеет: крутит «теллур» так, что постоянно то я, то Игорь в зоне поражения оказываемся. Надо будет поучить. – Вы серьёзно, что ли? Их же много!

– Инге, я разве похож на самоубийцу? – Игорь дал команду, и из отъехавших панелей поднялись две ракетные установки. – Стаю ракетами разрядим, остальных добьём дробовиками. Ты, главное, нас не подстрели. Тим, ты уже охотился?

– А то!

Тут в чем вся фишка-то? Я не зоолог, но читал, что пиявки каким-то образом разлагают воду на кислород и водород. Водородом надувают свои пузыри и так летают. Обычно дрейфуют по ветру, но если надо, сокращают чего-то ти-

па мышц, выбрасывают неусвоенную воду и, пардон, отходы как через дюзы, создавая реактивную тягу. Управлять полётом они почти не могут, так, корректировка на метр-два относительно конечной цели. Дальность такого полёта у них до двухсот метров, но это у крупных особей, так что они обычно атакуют с короткой дистанции. Метров с двадцати-тридцати. Задача охотника выстрелить, когда пиявка выбрала цель или просто висит. Если она уже рванула, то сбить можно только ту, которая несётся на тебя, создав перед ней облако дробы. Скорострельность у наших «теллуrow» высокая, дробь содержит не то натрий, не то калий, а сама дробина из магния. Гаусс против пиявок бесполезен, как и обычные пули небольшого калибра. Пиявка просто их не замечает, одна надежда, что попадёшь в нервный узел. А вот самовозгорающаяся дробь – самое то. У них же водород в пузырях, пусть во время атаки и не очень много. А водород с воздухом это что? Правильно, гремучий газ! Так что охота превращается в небольшой салют. Даже красиво. Если стоя не слишком большая и близко не подобралась.

Фр-р-р... Обе установки выпустили сразу все ракеты и перезарядились. В зелёном облачке, которое уже целенаправленно двигалось к нам, расцвели разрывы боевых частей. Установки дали ещё один залп, а потом наступила наша очередь. Жаль, браслеты не отключить, уж больно мерзко они пищат... Под конец Игорь крикнул «Прекратить огонь», сменил боеприпас и несколькими выстрелами обычной дробы

би уложил к нашим ногам пару невзорвавшихся монстров. Рисковый мужик, я уже приготовился Инге во флаер зашвыривать.

– Никогда так не делайте, – нравоучительно сказал Игорь и повесил «теллур» на плечо. – Любуясь.

– Какая мерзость, – Инге, прижимая к груди дробовик, осторожно рассматривала более-менее целых пиявок: полупрозрачные «желейные» мешки, словно намазанные изнутри чем-то мутным и зелёным.

– Главное – не дать себя подстрелить. Отойди, – Игорь достал электрошокер и, когда Инге шагнула в сторону, ткнул им пиявку. Та содрогнулась и выстрелила вперёд стрекало, метра на два. – Оно выделяет сильнодействующий токсин, который убивает жертву и в десятки раз ускоряет процесс разложения. Через три-четыре часа растечёшься вонючей лужицей, а эта тварь наползёт сверху и всосёт. А потом ещё и размножится простым делением, с пережору-то.

Инге заметно вздрогнула.

– А в лесу они есть?

– Нет. Там деревья, сильно не летаешь, у них же крыльев нет.

– Это хорошо. Хочу в лес попасть, никогда такого не видела. Он... – мы с Игорем переглянулись, и она немедленно возмутилась: – Что?!

– Ничего. Если обещаешь быть послушной в лесу, свожу.

– Да я вообще...

– Ладно.

Мы сели во флаер, и мне стало поспокойнее, когда Инге сунула дробовик обратно в крепление. А моя ненаглядная, похоже, уже и думать забыла про пиявок и всё поглядывала в сторону леса. Где-то я её понимал. Я лес люблю. Даже такой, слишком большой и чересчур населённый местами. Но сначала всё-таки дела. И научить эту бестолковку с оружием обращаться!

Игорь вернул флаер на трассу, «сел» на центральную проводку и прибавил скорость.

– Скоро в городе будем. Минут двадцать ещё, может, чуть меньше. Вы куда, в гостиницу или к нам?

– К вам – это в смысле?

– Вам жить где-то надо? Ну вот. Если в гостиницу, то можно в «Галактику» или «Выхлоп». «Галактика» – это сетевая гостиница...

– В смысле – сетевая?

– Одна фирма, и у неё на нескольких планетах гостиницы есть. «Выхлоп» – это недалеко от космопорта, там обычно экипажи останавливаются. Можно к нам, в Тортугу...

– Куда?

– Наш район. Там живут члены Братства. Там наш офис, наша же гостиница... Все свои, короче. Так что думайте.

Инге опять растерялась. Смотрит на меня круглыми глазами и шипит в ухо:

– Тим, я не знаю. У меня реально голова кру́гом. Я даже

не врубаюсь, по местным меркам у нас много денег или нет?

– Прилично. Если не сказать до хрена. Так что можно хоть в «Галактику», счета всё равно мистер Харт оплатит.

– Тогда ладно. Давай в «Галактику»... А стена зачем?

Чем ближе мы подлетали к Виль-де-Ноэль, тем активнее становилось движение. А лес подступал к магистрали всё ближе, и местами ветви деревьев нависали над трассой так, что получались зелёные арки. Их заботливо поддерживали рукотворные опоры – к природе на Теллуре относятся трепетно. Днём сквозь эти арки пробивались яркие полосы света, но сейчас, ближе к вечеру, листья разворачивались, создавая даже на вид влажный полумрак. А по обе стороны магистрали тянулся высокий и прочный забор, который Инге вполне обоснованно обозвала стеной.

– Звери. Чтобы не бегали по полотну. Тут иногда и любители колёсного транспорта гоняют. И под деревьями, где кроны смыкаются, тоже сетки навешаны страховочные. Кстати, на будущее: близко к сетке флаер не поднимай, чтоб навигатор и связь не засбоили. Там электростатику иногда включают, чтобы опавшие листья и мелкие веточки «сливать».

– А я думала, это чтобы ветки на трассу не падали...

– Нет. Это для зверья мелкого, которое по веткам шастает. Чтобы под колеса или под флаер не угодили. Это и для них небезопасно, и для нас. Хищников-то тут давно нет.

– А Тим говорил...

– В этом лесу нет. А чуть дальше – да, без подготовки лучше не соваться. Но ты не волнуйся, здесь полно мест, где можно просто побродить, грибы, ягодки пособирать.

– Зачем?

– Бр-р-р... Как зачем? Есть, конечно!

– Да ты прикалываешься!..

Павел Зотов

Сколько они сюда ни прилетали, Теллур встречал их неизменным теплом и солнцем. Нет, теоретически тут бывали и дожди, и сильные ветра, и прочая непогода, но почему-то они ни разу её не заставляли.

Паша любил Теллур. Не как Марс, конечно, но любил. Это был мир фронта – мир невольных переселенцев, Робинзонов, оказавшихся на необитаемом острове. Пашка до сих пор помнил, с каким восторгом читал старую книгу, найденную в сетевом хранилище. Про человека, который без всяких средств связи оказался на маленьком острове и вынужден был там выживать. Теллуриане были такими Робинзонами. Они не готовились к колонизации, попали сюда случайно, строили жизнь с нуля... А ещё они любили и уважали свою планету. Не пытались победить, как на Сангусе или Замке, не брали под жёсткий контроль, как в подавляющем большинстве миров. Люди здесь встроились в экосистему и пытались жить в гармонии с планетой, хотя местами это было трудновато: с теми же пиявками гармонично не посуществуешь... Но в целом на Теллуре, как и на Марсе, берегли и ценили то, что у них было. При том, что планеты совершенно разные, их жители очень близки. Марс и Теллур всегда были и будут союзниками, несущими единый дух фронта, свободы и сплочённости...

– Действуем по плану? – уточнил Адлер. По своему обыкновению, просто на всякий случай: они уже много раз всё обсудили. И на Марсе, ещё втроём, и по дороге на Теллур. Паша решил, что им лучше разделиться. Они с Адлером были типичными марсианами, и прятаться им бесполезно, особенно на чернявом Теллуре. А вот Яна могла сойти за кого угодно... ну, кроме экстремалов с Замкá или Сангуса. Так что она полетела обычным пассажирским лайнером с Полигона, и ничто не указывало на её принадлежность к Марсу. Конечно, сотрудник Адмиралтейства или опытный рейнджер без труда установят её происхождение, но для этого надо или долго с ней общаться, или иметь мощный ресурс местной полиции или разведки. А вступать в конфликт ни с одними, ни с другими Паша не собирался. Впрочем, если и расколют, невелика беда. Скажут как есть: спецгруппа, идущая по следу пиратов.

– Да, – Паша кивнул.

Невозмутимая обстоятельность Лера частенько раздражала, но, объективно говоря, он прав: лишний раз проговорить задуманное не помешает. Хорошо, Янки с ними нет. Как её такие повторы бесят! Иногда Паша чувствовал себя замотанным отцом детишек-погодков с принципиально разными характерами. Хотя нет, скорее он – распределительный хаб-предохранитель в энергокубе. Тут главное – грамотно направить потоки Янкиного бешеного энтузиазма и Леровской въедливой дотошности. Тогда в их группе наступа-

ет полная гармония. Но если эта парочка – их пилот и инженер – схлестнутся, можно, как древние говорили, святых выносить. Кстати, надо бы всё-таки узнать, что это выражение точно означает...

– То есть мы работаем по следующим направлениям. Первое – их сделка. Узнать, что купили, у кого и зачем. Второе – слухи. Теллур – самый крупный порт в этом Секторе, причём здесь встречается очень разная публика: от наших резервистов до наёмников из Тёмных. Я бы оценил вероятность того, что мы можем из этой рассеянной информации получить что-то полезное, как достаточно высокую.

Паша вздохнул. Ну почему нельзя сказать по-человечески? «Скорее всего, узнаем что-нибудь полезное» или что-то в таком духе? Но объяснять это Леру бессмысленно. А тот продолжил:

– Кстати, надо проверить, кто из наших сейчас на планете. Нам может потребоваться помощь.

– Да, – список резервистов у них был, но никто не гарантировал, что все полтора десятка человек, чьи контакты скинул им Крыс, сейчас на месте.

– Этим лучше заняться нам. Яна пусть работает по другому контингенту. Так будет эффективнее.

– Угу.

– Проблема в том, что нам неминуемо придётся действовать официальными путями. Через представительство Марса. Иначе мы просто не получим доступ к боксу, который

арендовал Карл. Полагаю, после такого запроса люди Адмирала выйдут на нас в течение суток. Максимум. И это мгновенно ограничит нам свободу манёвра.

– Да. Поэтому Янка и наши резервисты, и... О! – Паша наконец-то сообразил, чего ему не хватает прямо сейчас. – Предлагаю начать с главного источника слухов. С «Елисейских полей».

– Паша. Скажи просто: ты опять хочешь что-нибудь съесть.

– Не без того. Но согласись, «Поля» – идеальная стартовая точка.

– Я не спорю.

В каждом космопорту обязательно есть пилотский бар. Вернее, «пилотский» и пилотский. Один в пассажирской секции, стилизованный, а другой – в закрытой, только для своих. При этом ходили слухи, что некоторые компании чуть ли не по графику обязывают своих пилотов проводить время в «пассажирских» барах. Для улучшения имиджа и сближения с клиентурой... И только в Виль-де-Ноэль-Астра пилотский – без кавычек – бар был в открытой зоне и занимал чуть ли не весь этаж в правом крыле космопорта. Но вот внутри было две стойки – для цивиллов и для пилотов. У первой можно было заказать всё, что угодно. А вот у второй самым крепким из возможных напитков было пиво. И при всём при этом «Елисейские Поля» были именно таким

местом, как надо: в меру шумным, в меру расслабленным и спокойным. Но драки в барах и прочих заведениях Теллура вообще явление редкое. Весьма затруднительно устроить драку там, где девяносто процентов населения вооружено, а дробовик во флаере – это не прихоть, а настоятельная рекомендация. В прокатных конторах обычно уточняют количество пассажиров и любезно комплектуют транспортное средство необходимым вооружением. К тому же в «Полях» было много пилотов, а они не страдают вспыльчивостью или неумением держать себя в руках. Такие в космосе просто не выживают.

Сейчас, когда время обеда уже прошло, а до вечера ещё далеко, «пилотская» часть бара выглядела полупустой. Паша с Лером устроились у стойки, бармен поставил перед ними пиво, тарелку с мясными палочками и острым соусом и отошёл, но его внимание ощущалось. Бармен присматривался к ним, и интерес был не праздным. И Паша не очень удивился, когда тот – серьёзного вида дядька средних лет – буркнул, вроде себе под нос:

– Марс?

– А так не видно? – Паша сдержанно улыбнулся в ответ. Марс и Теллур неофициально считались планетами-побратимами, и вряд ли их ждали проблемы, но...

– Видно. За своими?

– В смысле? – вопрос был не то чтобы неожиданным, но как-то слишком уж в лоб.

Бармен пожал плечами:

– Группа марсиан вылетела с Теллура без заходов в другие порты и атакована на первом же прыжке. Вопрос был не в том, появитесь ли вы, а в том, когда. И всё же?

Паша протянул руку. Бармен провёл сканером над браслетом и кивнул. Мужик выглядел всё таким же лениво-равнодушным, но Паша чувствовал под этой маской интерес и... понимание? Кажется, его вечно голодный организм привёл их куда надо.

– Минуту, – бармен отвлёкся на очередных посетителей, а вернувшись к марсианам, положил на стол самую обычную флэшку, даже не кристалл. Паша вопросительно приподнял брови. Бармен объяснил:

– Здесь запись встречи ваших парней с одним мусорщиком. Не знаю, договорились они или пересеклись случайно, но поговорили и ушли вместе. Когда я узнал, что случилось, вытащил с камер запись. На всякий случай. Картинка, конечно, так себе, но вдруг пригодится.

Бармен покачал головой на попытку Лера достать кредитку, указав взглядом на стену. На фото стоял он, в лётном комбезе, рядом – трое парней и две девушки, тоже в форме.

– Командир звена. Так что я знаю, что такое терять своих.

– Спасибо, брат. Я буду помнить тебя, – Адлер кивнул. Стандартная фраза говорила знающему всё, что надо.

– А что за мусорщик?

– Лиор, – бармен пожал плечами. – Не знаю, имя это или

прозвище. Но ваши точно ему за что-то заплатили. Парень начал сорить деньгами, а потом пропал. Может, улетел куда, но мне кажется, что просто болтал о чём не надо.

– Угу... И где его найти, ты не знаешь?

– Увы.

– Ясно, – Паша почесал нос.

В Солнечной мусорщики – это специалисты по очистке орбит, но чем дальше от Терры, тем меньше в них оставалось от службы обеспечения безопасности внутрисистемных полётов. Уже на Теллуре мусорщиком могли назвать как соответствующего работника орбитальной станции, так и какого-нибудь проходимца. Который тоже собирал орбитальный и прочий мусор – но в надежде найти и продать что-нибудь ценное. И уже ясно было, что этому Лиору повезло. Он действительно сумел сорвать Большой Куш. Вот только не смог им грамотно распорядиться.

Похоже, Адлер пришёл к тому же выводу. Как только они вырвались из сложного многоуровневого движения у порта и встали на магистраль, Лер заговорил:

– Пока у меня получается такая картина. Карл и его группа купили у этого Лиора нечто такое, что, с одной стороны, представляло интерес для «Памяти». С другой – заинтересовало кого-то из местного криминала.

– Согласен, – кивнул Паша. – Вот только криминал, скорее всего, как раз не местный. Я не знаю, как уговорить мест-

ных, чтобы так откровенно с нами на конфликт пошли. Да и были там наёмники из Тёмных в основном...

Да, Теллур не криминальна планетка типа той же Тираны, и уж точно не насквозь мафиозный Сиппар, но и назвать его совсем благополучным в этом плане язык не повернется бы. Проблема любого крупного транспортного хаба: если ты открыт всем, делаешь на своём удобном положении большие деньги, то получаешь в довесок преступность. Причём не только свою, домашнюю, если так можно сказать, но и привозную... Кто мог узнать о находке Лиора? Чем она заинтересовала этого неизвестного? Одни вопросы. И главный – как найти самого Лиора? Если он до сих пор жив...

Они помолчали. Паша покрутил на руке браслет-идентификатор, выдаваемый каждому, кто ступал на Теллур.

– Глушить будем?

– Зачем?

Паша кивнул:

– Адмиралтейство наверняка уже в курсе, а если нет, так скоро будет. Так хоть о пиявках узнаем, если что. Вдруг отойти придётся за город.

– Тоже верно, да и дурное дело нехитрое.

– Ну что? Сначала в представительство? Как бы мы в бюрократии не завязли. Даже не представляю, сколько дней придётся ждать, пока наши будут с местными адвокатами бодаться, – после «Елисейских полей» они попытались попасть в арендованный группой Карла бокс в космопорту и

налетели на вежливый, но твёрдый отказ. Подайте официальный запрос от представительства Марса – вот тогда и поговорим... И как всё-таки хорошо, что эти юридические тонкости – не их задача! Пусть юристы с юристами общаются на своём нечеловеческом языке. Паша вспомнил, как они пытались самостоятельно разобраться в правовых хитросплетениях на Аль Рами, когда Яну оштрафовали из-за сущей ерунды: какой-то не такой платок она на голову повязала, который только мужчины имеют право носить. В итоге сумма штрафа выросла в три раза, а сама Янка чуть не оказалась за решёткой. И это при том, что вокруг туристов на Аль Рами разве что хороводы не водят... Хорошо, примчались адвокаты с бумагами наперевес и спасли их команду...

– Согласен, – кивнул Адлер. – А пока надо посмотреть, что там, на записи. Возможно, поговорить с местными брокерами.

– Не люблю я этот «серый» бизнес, – Паша задумчиво вынул из крепления дробовик, покрутил в руках и сунул на место. Мушша, местные инфоброкеры, были вполне законопослушными ребятами – на первый взгляд. – К тому же... – Паша ещё не успел сформулировать мысль, а Лер уже выдал:

– Сам факт нашего обращения к ним тоже станет информацией, которую можно продать.

– Угу. Конечно, у них вроде как тайна личности клиента и всё такое, но, насколько я понимаю, всё упирается в вопрос цены, – ну да, а учитывая, что они понятия не имеют, с чем

имеют дело, то не могут и предположить, какая информация окажется опасной. И чем именно.

Они помолчали, потом Адлер спросил:

– Паша. А куда мы, собственно, едем?

– В смысле?! В Виль-де-Ноэль. А там... в «Буратино».

– Опять жрать?

– Во-первых, мы в «Полях» почти ничего не ели. Кружка пива и три мясных палочки на нос – это несерьёзно. А я должен заботиться о состоянии и боеготовности экипажа. К тому же... Вдруг ещё что узнаем?

– Что, например? – судя по голосу, Адлер уже смирился с тем фактом, что пока он не проверит свои любимые заведения, делом они не займутся. Ну да, Паша действительно любил кухню «Буратино», но сейчас им руководил холодный расчёт. Если информация о том, что случилось с группой Карла, уже пошла в народ, то она и до Братства добралась. И тут можно смело рассчитывать на содействие.

– Нам надо узнать, как найти Лиора. А мы даже не представляем, это имя, фамилия или прозвище. Вдруг...

– Знаю, – Адлер перебил командира и включил автопилот. – Принимай управление. Хочу кое-что проверить.

Паша удивился, но поменялся с напарником местами, и Адлер развернул планшет и полез в Сеть. Судя по тому, что он не ушёл в виртуал, Лер взялся проверять местные новости. Но зачем?

Придурок! Паша чуть не хлопнул себя по лбу. Бармен же

сказал, что Лиор сначала сорил деньгами, а потом пропал. Значит, скорее всего, здесь какой-то криминал. И если тело не вывезли в Лес, где от него очень быстро ничего не останется, его уже должны найти.

Словно в ответ на мысли Паши Адлер показал ему планшет с открытой криминальной сводкой.

– Вот, пожалуйста. Леон Ру, он же Лиор. Четыре дня назад обнаружен мёртвым у себя дома. Имеются признаки насильственной смерти, ведётся следствие.

– Четыре дня?

– Тебя что-то удивляет?

– Да как тебе сказать... – Адлер был гением, но некоторые вещи словно проходили мимо его сознания. – История продолжается.

– Не понял.

– Зачем его было убивать?

– Чтобы не встретился с нами.

Паша кивнул:

– Ну да, это первое, что приходит в голову. Но почему четыре дня назад? Не четыре недели, когда ребята улетали с планеты. Если бы его убили тогда, это можно было бы понять – зачищают хвосты. Если бы его убили вчера, когда мы послали свои данные на станцию контроля и запросили посадку, это тоже было бы оправданно. Но четыре дня?

– Да, ты прав. Что-то всё ещё происходит. И это значит, что нам надо быть очень осторожными. И мы должны пре-

дупредить Яну.

– Конечно. А ещё нам надо решить вопрос, как добраться до информации крипо...

Пашин гениальный план – быстренько перекусить вкусненьким – потерпел сокрушительный провал. Нет, они честно сунулись в «Буратино», но там гуляло Братство и дым стоял коромыслом. Гремел джав, симпатичная мулатка с безумным афро на голове и татуированными руками, быстрая и гибкая, отплясывала на столе нечто весьма зажигательное, народ вокруг орал и стучал кулаками и кружками, какие-то девчонки тоже порывались лезть на стол, их не пускали... Пашу и Адлера с радостью приняли бы в компанию, но настроение было не то, да и вряд ли они сейчас услышат какую полезную информацию.

Значит, оставалось одно – оставить в консульстве Марса запрос на получение доступа в арендованный ребятами бокс, а потом лететь в гостиницу и просматривать запись из «Полей». И думать, что делать дальше.

Они уже сели во флаер, когда Паша хлопнул себя по лбу.

– Знаю!

– Что?

– Не у одного тебя бывают гениальные озарения, – Паша вызвал на личном комме список резервистов, находящихся на Теллуре. – Я ведь смотрел перед отлётом... Что-то там такое было... Ага, вот!

– Командир, объясни.

– Здесь есть просто наши, а есть наши. Не просто резервисты, а КБМ. И заботливый Крыс поделился кодами их закрытых каналов. Осталось надеяться, что я всё запомнил правильно...

– И что?

– Сейчас поймёшь, – Паша закончил набирать номер и теперь ждал ответа. – Игорь Мурашов?

– Да. А вы кто будете? Простите, я сейчас...

Голос Пашиного собеседника был еле слышен за фоном – музыкой и громкими голосами. Паша с нехорошим подозрением уставился на дверь «Буратино» и даже не особо удивился, когда она открылась, и на крыльцо вышел коренастый светловолосый и загорелый парень. Паша замахал Адлеру рукой – стартуй давай! Встречаться с Мурашовым лицом к лицу Паше не хотелось: судя по всему, тот был ещё не в курсе случившегося с ребятами. Видимо, только вернулся на планету... При разговоре по телефону, да ещё при голосовом звонке, это можно было скрыть, но окажись они рядом, Игорь точно почувствует, что что-то не так. Он ведь тоже Чёрный. Зачем человеку веселье портить? А припарковались они буквально в десяти метрах от крыльца «Буратино», и Мурашов запросто мог их заметить.

Лер удивлённо посмотрел на командира, но послушно повёл флаер вдоль улицы. А Мурашов спросил:

– Мы знакомы?

– Лично вряд ли. Но один марсианский грызун очень тепло о вас отзывался.

– Вот как? И что же говорил этот бобёр? – судя по голосу, Игорь усмехнулся.

– Хорёк.

– Хорёк – не грызун.

– Верно. Попутал. Крыс. Марсианский Крыс.

– Хорошо, не белка, – формальности были соблюдены, и Мурашов уже совсем другим тоном спросил: – Чем могу помочь?

Да, судя по тому, как изменился его голос, Паша ошибся: Игорь всё знал.

– В курсе уже? Тогда без предисловий. Брат, у тебя же есть знакомый шериф?

Инге Сонел

На «Джокере» по дороге на Теллур ничего особо интересного не происходило. Да там и времени-то на прыжок ушло – три дня всего. Что я за это время успела? Ну, во-первых, с Лотой о бабушке поговорила: Кай сказала, что они из одного клана, но Лота с ней больше общалась. Лота мне даже гало Майи показала. Бабушка красивая была – но они все красивые, амазонки. А я и вправду на неё похожа: формой лица и глаз. Только у неё глаза серо-зелёные были, а у меня карие. Ну и цвет кожи и волос, понятное дело, не тот. Майя светло-кожая, и волосы – светлые, золотистые такие. Так что я, судя по всему, в неизвестного деда пошла: папашка мой смуглый был, но не настолько. У меня-то кожа – как кофе с молоком, даже потемнее. Меня Тим иногда шоколадкой называет...

А вот про дедушку моего ни Кай, ни Лота ничего рассказать не смогли.

– Понимаешь, – сказала Лота, когда я её расспрашивать начала, – мы устроены так, что зачать я могу сегодня, а решить начать процесс через пятьдесят лет. Так что кто твой дед, по большому счёту неизвестно. Но перед тем, как Майя пропала... Был у неё мужчина. И она его прятала. И судя по тому, как она переживала, когда с ним что-то случилось...

– В смысле?

– Ты ведь сама пси и понимаешь, что у нас с псионикой всё

в порядке. Мы чувствуем друг друга, даже если специально в душу не лезем. Майя говорила, что он умер, не выдержал, но я уверена, что она врала. С ним что-то плохое случилось, это да, но другое. И судя по тому, как она изводилась... Мне кажется, что речь именно о твоём деде шла.

– А для вас это не очень типично?

– Обычно это делается по расчёту. Хороший генофонд и всё такое. Мы практически неспособны на долгие привязанности, – Лота это говорит, а сама улыбается, мечтательно так. – Есть, конечно, и исключения... Типа... Не важно.

– А ты уверена, что это моя бабушка, а не прабабушка? Ведь тогда получается, что мама родила меня в пятьдесят с лишним лет.

– Правнучкой ты быть не можешь. В третьем неинициированном поколении наши способности резко, скачком, угасают. Ты дочь или внучка. Но дочерью ты тоже не можешь быть по понятным причинам. А что мама родила тебя в пятьдесят с лишним... Генетически она амазонка, так что могла и в сто лет родить без проблем. Как ты думаешь, сколько мне лет?

– Не знаю. Но, думаю, много. *Очень* много.

Лота улыбнулась, кивнула.

– Кстати, а что с дочерью Майи?

– Она умерла... Её убили, – я сама удивилась, насколько спокойно я это сказала. – Я её не помню почти, я тогда совсем маленькая была. Но в любом случае... Бабушка что, не рассчитала? И неправильно родившегося ребёнка оставила?

Так получается?

И вот тут Лота меня удивила. Она помолчала, подумала, и вдруг говорит:

– Или рассчитала всё верно.

Вот такое мне и в голову не приходило.

– Но зачем?

– Может, не хотела, чтобы дочь стала амазонкой.

– И бросила ребёнка на... дикой планете?

– Я не знаю, с кем она её оставила.

– В общем... Грустно как-то получается.

– А что теперь-то грустить?

– Ну... Не знаю. Вот вы меня теперь озадачили: хочу узнать, кто мой дед по маме. С отцовской-то родней мне всё известно, а тут... Хотя – какая разница? Вряд ли от этого что-нибудь изменится, да и шансов узнать что-то – ноль...

– Ноль не ноль, но попробую прикинуть, где и на кого она так запала. Всё, что сходу вспоминается – он, по словам Майи, отличным пилотом был. И абордажником.

– Если вдруг вспомнишь – я буду очень благодарна.

Но до конца перелёта Лота ничего нового мне так и не рассказала.

А ещё я всё-таки провела расширенный поиск по Том Тому – ну, в смысле, на что он похож. И вот тут, по полным базам, кое-что новенькое всплыло, не такое бредовое. Хотя это ещё вопрос, что лучше: что Том похож на скафы из компьютерных игр – или то, что я сейчас получила. В общем, прога

опознала Том Тома как боевой скафандр Терры времён Сумерек, но модифицированный. Конечно, не стопроцентно, с вероятностью, но всё равно, пятьдесят семь процентов совпадения – в нашем случае это много, как по мне.

Я Тиму результаты показала, а потом мне эта мысль пришла. Совсем фантастическая.

– Тим... А ты не можешь быть... из прошлого?

– Эт как?

– Ну, не знаю... Просто сам видишь – Том похож на старые скафы.

– Мля... Действительно пилот из Мемориала, что ли? А в космосе тогда как оказался?

– Ты же сам говорил, что на Марсе всякие странности бывают...

– Бывают. Но... Блин, не знаю.

– Я тоже не знаю. И... Если тебе вдруг неприятно, что я в это полезла, скажи. Я копать перестану. Реально не знаю, что мне вдруг приспичило и про тебя, и про моих предков по маме узнать.

Тим подумал и сказал: лезь и копайся. Но только чтобы всё ему рассказывала, что узнаю.

Ну и Тим прав оказался – в том плане, что Игрок сходу начал нас в Братство зазывать. Мол, с нашими навыками и работанностью нам прямая дорога в их компанию. А ещё мы с Игорем – он, кстати, очень мне понравился, чисто по-человечески – прикинули, что и как можно с «Аладой» сделать. В

смысле, как её модифицировать, чтобы нормальный рейдер среднего класса получить. И Игорь мне открытым текстом сказал: это сложно и дорого, но если ты на наши верфи придёшь уже как благородная донна, в смысле – член Братства, то там и ценник другой будет, и качество работы. К тому же, по их правилам я до первого закрытого контракта взносы платить не должна и все призовые могу смело на модернизацию пустить. Вот как Тим иногда говорит: зуб даю, это Игрок Игоря подговорил мне на мозги покапать!

В общем, мы с Тимом подумали и прикинули – а почему нет? Меня только одно смущало: Тим ведь не просто так, ради моря, на Теллур полетел, у него же тут дела были. Но Тим сказал: если я вступлю в Братство как капитан и владелец корабля, то могу в команду любого брать. Даже не члена Братства, это, мол, не возбраняется. А он срочные вопросы решит и попробует вообще с дел мистера Харта соскочить. Это вроде как можно и даже предполагалось вроде как. И когда я поняла, что Тиму эта идея – в Братство вступить – нравится, то сомневаться перестала.

А в первый же вечер на Теллуре, после того, как мы в гостинице устроились, Игрок нас в город пригласил, в харчевню, как он сказал. Там, говорит, и документы заполнить можно, чтобы в Братство вступить, и отметить это дело, да и вообще, за благополучное возвращение выпить. Я слово такое – «харчевня» – первый раз услышала. Ну, Тим мне и объяснил, что это так ресторан называют. Под глубокую ста-

рину стилизованный. Мне аж интересно стало.

И место реально оказалось прикольное. Во-первых, дом был деревянный. Весь. Из натурального дерева. Я так понимаю, что на Теллуре лесов много, с древесиной всё в порядке, но уж очень непривычно было. Хотя ощущения, конечно... С пластотоновыми домами не сравнить. В нём как-то теплее, что ли. Уютнее. И вывеска забавная. «Бар-А-Тино», но первое «а» зачёркнуто и исправлено на «У». Тим сказал, что так тяжёлый армейский луче­мёт называется. «Бур-а-тино». Историческое какое-то название.

У входа стояла вырезанная из дерева фигура – вроде космодесантник, если на снаряжение смотреть, но с длинным таким носом, и на голове что-то странное, мягкий головной убор какой-то. Никогда таких не видела. И к ранцу фиговина непонятная приторочена. Прямоугольная, плоская, с надписью «Букварь». Тоже оружие, наверное.

Потолки в зале харчевни были непривычно низкие, а мебель – деревянная, тяжёлая, *настоящая* такая – столы, скамьи, стойка... А в конце стойки стоял огромный, в половину моего роста кувшин, совершенно непонятно, для чего. Но оказалось, это такой утилизатор: в него надо кидать мусор и недоеденную еду, а он в ответ выдаёт какие-то шуточки, иногда смешные, иногда глупые. Вроде «Чем дальше в лес, тем ближе вылез». Я потом Игрока спросила, он сказал, что сам не знает, кто это придумал, но кувшин поговорки запо­минает и случайным образом выдаёт потом. Я, честно ска-

жу, не поняла, к чему это и в чём прикол, но местные явно веселились.

Игрока и его брата с сестрой мы издали заметили – да ключников поди не заметь! Там весь экипаж собрался, кроме Роя, волка. А Игорь с девушкой был, Стеллой. Она не из Братства, как я поняла.

– Вот это наше место для встреч и посиделок, – гордо сообщил Игрок, когда мы подошли. – А ещё – единственная жральня в городе, где можно поесть мясо сангусских птеров.

Игрок это так сказал, что сразу видно было: это самое мясо птеров – что-то очень редкое и вкусное. И Тим сразу оживился:

– Ого! – говорит, – А сейчас есть?

– Есть, потому сюда и позвали. Мы заказали уже, сейчас принесут.

– А что в нём такого необычного? В мясе птеров? Оно очень редкое? Или очень вкусное? Или и то, и другое?

– И то и другое. Плюс его готовить надо уметь. Оно ядовитое, если неправильно собрать и промариновать.

Что-то мне как-то после этих слов птеров совсем расхотелось пробовать, но пока я думала, как отказаться повежливее, нам его принесли. Большие тарелки, на них мясо, узкими полосками порезанное, зеленью какой-то переложено, соусы разные... И запах такой, что я про все свои страхи забыла. В общем, минут двадцать мы больше жевали, чем разговаривали. А потом Игрок нас спросил:

– Какие планы?

– Оперативные или стратегические?

– Да как пожелаешь. Чай не в МУКБОПе.

– Оперативные – метнуться на Марс, – я на Тима глянула, он кивнул. – А стратегические... – я подумала и решилась: – Что, ты говорил, нужно, чтобы к вам присоединиться?

– Ничего. Вон бармен, документы у него берёшь и вступаешь.

Наверное, если бы не пиво, которое очень хорошо с мясом птеров шло, обалденно вкусным и острым, я бы ещё долго раздумывала. А тут – встала, бланки у бармена взяла, прямо у стойки заполнила, подписала... Я старалась очень: там тоже в старинном стиле, не на бумаге, конечно, на пластике, но всё равно. А я от руки пишу плохо. Не то чтобы не умею, но почерк у меня корявый. Так что всё медленно выходило. Народ за моей спиной сгрудился, и когда я последнюю подпись поставила, все захлопали, заорали радостно. И Тим вдруг словно решился и тоже документы заполнил. И его начали поздравлять и по плечам хлопать.

Игрок басом своим объявил на всю харчевню, что в Братстве появились новые благородный дон и благородная донна, и действительно – благородные, потому что как ещё назвать людей, которые на практически безоружном транспорте пришли на помощь гражданским? В общем, расписал наши с Тимом подвиги так, что выходило, что мы там чуть ли не вдвоём всех пиратов загасили. И не успела я опомниться,

как оказалось, что тут отмечается наше вступление в Братство. И – вот странно! – я чувствовала, что все вокруг *действительно* нам рады. Кажется, мне к таким вещам ещё долго привыкать придётся. Что люди могут так друг к другу относиться. Ну, без каких-то тайных планов и умыслов. Просто – появились хорошие ребята, так почему им не помочь, если можем? Почему за них не порадоваться? Но именно это я ощущала вокруг, и это было так классно, что я, кажется, впервые в жизни поняла, что это такое – быть среди своих. По-настоящему.

Павел Зотов

Запись была так себе, но никто не ожидал от камер наблюдения в баре качества видео уровня КБМ. К тому же пришлось тратить время, чтобы синхронизировать картинку с нескольких камер. Но оно того стоило. А программы Адлера смогли вытянуть диалог – что-то сняли с микрофонов, что-то прочитали по губам...

...В бар, радостно улыбаясь, вошёл уже чуть подвыпивший и чем-то страшно довольный мужик. Судя по виду и по тому, как уверенно он направился в пилотскую часть – местный искатель приключений на свою задницу, не то мусоририк, не то наёмник, а возможно, и то, и другое. На мужике были выдавшие виды рабочие брюки и совершенно не вязавшаяся с ними ярко-красная футболка с примитивным и плохо различимым на видео изображением.

В кадре появился Михаил – пошатываясь, с кружкой пива в руках подошёл к мужику и что-то сказал. Мусоририк – понятно, что это был тот самый Лиор – огляделся и ответил:

– Э... Это ты мне? Так тут, почитай, каждый первый такой.

Михаил выдал что-то длинное, с активной жестикуляцией, по ходу дела разворачиваясь так, чтобы чуть приобнять мусоририка. Стало видно лицо Михаила, и программа выдала последний кусок фразы:

– ... брат, мы угощаем.

– Охотно. Я, правда, уже того... – мужик хихикнул. – Только у меня условие.

– Весь во внимании.

– Не люблю быть должен. Вот пристрою трофей, и тогда простав с меня.

– Замётано!

Изображение переключилось на другую камеру. Она хорошо «брала» столик, за которым расположились марсиане и мусоририк, лица Лиора и Карла, но Михаил сидел спиной, и его реплики понять не получилось. Но поначалу особо слушать было нечего: Михаил с Карлом, судя по всему, рассказывали какую-то на ходу придуманную историю про бой с волками, мужик слушал, вставлял комментарии – неожиданно дельные. Но где-то минут через десять Михаил ткнул пальцем в грудь Лиора – вернее, в изображение на его футболке. И, видимо, что-то спросил о рисунке, потому что мусоририк ответил:

– А, это... Да я ж говорил, трофей у меня. Там и взял. Вот пристрою посудину, и с меня причитается.

Михаил опять задал вопрос, и Лиор ответил:

– Да штурмовик амазонок. Подцепил по случаю.

Судя по жесту Михаила, тот изобразил изумление, а Карл хмыкнул:

– Ты это, брат, чего другого от них не подцепи!

– Да я сам чуть не обделался, прикинь. Выхожу из гипер, а там счастье такое. Ну, думаю, всё, отлетался Лиорчик. Ан, нет. Висит, даже не парит.

Ну, я высадился. Шлюз открыт, внутри никого. Куб на последнем издыхании, энергии в ноль, считай. Диффы израсходованы все, дыр... Ладно хоть движки в норме да кибер вроде цел.

– А этот-то откуда? – Миша снова ткнул в портрет на футболке.

– Да их там целая стопка была, разных...

– Что они так прицепились к этой футболке? Ты можешь вытащить картинку?

– Пробую. Ракурсы каждый раз очень неудачные, да ещё этот Лиор вертится постоянно. Похоже, он не только пиво пил. Попробую совместить несколько кадров и посмотреть, что получится. Сейчас... Ох ты ж!..

– Что? – Паша чуть не подпрыгнул. Уж если Лер позволил себе такой эмоциональный возглас, то обнаружилось что-то очень серьёзное. Но того, что Паша увидел на планшете, он не ожидал.

Силуэтный рисунок на футболке складывался в портрет молодого мужчины. Бородка, усы, растрёпанные волосы выбиваются из-под чего-то вроде берета пехотинца, взгляд – это даже на плохой картинке видно – мечтательно устремлён поверх голов зрителя.

Рисунок, хорошо знакомый поисковикам «Памяти».

Потому что на всех имеющихся в их распоряжении древних фотографиях Марк Гомаро, Последний Первый, был или в скафандре, или в футболке с портретом Че Гевары.

Адмирал Базиль Номбрилли

- Что у тебя?
- Они прибыли, мон адмирал.
- Докладывай.

Кабинет был выдержан в тёмных тонах и старинном классическом стиле. Когда Адмирал только занял свою должность, он долго сидел в архивах, перебирал залитые в прозрачный пластик листы древних журналов, сравнивал и оценивал мелькающие на фотографиях интерьеры. В итоге кабинет стал таким, каким он и хотел: солидным, спокойным и неторопливым. Как и его хозяин. По сравнению с нескладным костистым Петроморте или Гейнцем, которого из-за внешности чуть не в глаза называли Марсианским Крысом, руководитель службы безопасности Теллура казался воплощением обстоятельности. Скорее высокий, чем среднего роста, склонный к полноте, но при этом в отличной форме, темноволосый, с благородной сединой на висках... И адъютант, замерший почти по стойке «смирно» у дальнего конца стола для совещаний, тоже был такой, как надо. Молодой, весь отглаженный, пахнущий модным одеколоном и излучающий профессионализм... Хотя над последним мальчишке ещё надо поработать.

– Есть. Утром произвёл посадку корабль малого класса «Вега», классифицируется как штурмовик «крыло» произ-

водства Марс. Порт приписки Марс-Олимп. Не пойму, у них что, всего один космопорт?

– У них все корабли традиционно имеют приписку Марс-Олимп. Продолжай.

– Экипаж два человека, – вот тут адъютант замешкался. – Павэль Зотóв и Адлэ Нау... Нойж... Но-же-манн. Социальный статус обоих – резервисты в увольнении. На борту два несомых корабля сверхмалого класса типа МДЧ. Шеф, как «резервист в увольнении» может быть социальным статусом?

– Запросто. У них один социальный статус – гражданин Марса. Значит, говоришь, двое?

– Да, мон Адмирал.

– Озейн, ты настаиваешь, чтобы я тебе тоже «монкал»?

– Никак нет, шеф. Привычка с флота. Почему вам кажется странным, что их всего двое? Или это из-за анекдота, почему марсиане по трое ходят?

Адмирал вздохнул. Кажется, мальчишку пора спускать с небес на землю. То, что он стал адъютантом одного из самых влиятельных людей на планете, ещё не даёт ему права отпускать подобного рода шуточки. До такого надо ещё дорасти. Хотя марсиане сами с удовольствием рассказывают эти анекдоты...

– А ты сам подумай. Прибыли с Марса, в боях не участвовали, а на корабле всего два члена экипажа и два несомых. Случись что, кто за пультом этой «Веги» останется? А что

до твоего анекдота... Марсиане имеют по две-три гражданских профессии и минимум одну военную, так у них ещё со времён колонизации повелось. По знаниям и качеству подготовки они многим нашим фору дадут. И вот что... Ты с обязанностями вроде неплохо справляешься, так что не вздумай поржать над этой шуткой в баре или, тем более, рассказать её. А то окажется рядом марсианский Дракон и голову тебе откусит, – Адмирал помолчал, дав адъютанту возможность обдумать и проникнуться, и продолжил: – Ищите третьего или третью. И скорее всего, какой-нибудь нестандартной для них внешности. Чем занимаются?

– Похоже, расследованием. Потолкались в «ЕП», получили какую-то запись от бармена. Прямо в порту предоставили бумаги о собственности на находящийся в вип-боксе Астре корабль амазонок, купленный их предшественниками. Им отказали, потребовав подтверждение от консульства. Отправились в Братство, но там не остались. Заехали в консульство. Сейчас в гостинице, в «Выхлопе».

– Хорошо. Очень хорошо.

– Прикажете инициировать официальную встречу?

– Нет. Сам подумай, корабль марсиан, везущий некий ценный артефакт, перехватывают в космосе, причём с потрясающей точностью. Пиратов явно навели.

– Почему, шеф?

– Сразу видно, что ты не пилот, – Адмирал пододвинул органайзер и быстро сделал запись. Больше чтобы парнишка

понял, что он серьёзен, чем для себя. Память у Адмирала была отличная. – Пройдёшь пилотскую практику.

– Но...

– В свободное от работы время, а то его у тебя, по-моему, слишком много стало. За счёт Адмиралтейства, конечно.

– Есть. Спасибо, мон адмирал. И всё же? Когда они вылетают, было многим известно. Маршрут тоже.

– Будь ты пилотом, знал бы, что даблсаут можно производить с корректировкой вектора.

– Э... Простите?

– Двойной прыжок. Из точки «А» в точку «Б» идти не по прямой, а с первичным отклонением в пять, максимум – семь градусов. Их, конечно, могли ждать в точке предполагаемого выхода. Но ты представляешь, что такое отклонение даже в один градус, когда речь идёт о сотнях парсек? Они вышли бы совсем в другом месте...

– То есть кто-то передал им данные перехода. Я правильно понял? А это значит...

– Это значит, что кто-то следил за Лиором. А потом он или кто-то другой выпотрошил этого самого Лиора, и уже после кто-то третий передал данные. Причём если первый и второй могут быть одним лицом, то вот тот, кто сливал информацию, сидит у нас под носом. В службе контроля полётов.

– Какие будут распоряжения? – судя по лицу Озейна, он не понимал. Впрочем, всё приходит с опытом.

– К марсианам не лезть, в контакт без их инициативы не вступать. Если захотят обратиться... контакт неофициальный. Найдите третьего марсианина. Это первое. Второе, наблюдение за ними установить, но так, чтобы не бросалось в глаза.

– Это несложно. Они передвигаются открыто, браслеты-идентификаторы не глушат и не снимают. Мероприятия по контрслежке проводят, но это явно не против нас. Нас они не боятся.

– Хорошо. Вот так и присматривайте. Главное, проверить все личные дела персонала на станциях слежения, особо обратить внимание на тех, кто имеет доступ к гиперсвязи. У них проверить всё. Биографию, контакты, родственников, короче, выпотрошить по полной. Мне нужны зацепки. Всю операцию проводить скрытно, чтобы крысёныш даже нашего запаха не учуял. Понятно?

– Так точно. И вот ещё, вы просили сообщить, когда придут гости с Тираны. Они тут.

– Что?! Как это? Я же приказал доложить об их прибытии напрямую мне! Немедленно! – Адмирал стукнул по столу. – На учениях загоняю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.